

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Вольтер

Статьи из 'философского словаря'

Первоначально назывался "Карманный философский словарь" и был анонимно опубликован в 1764 г. в Женеве (из конспиративных соображений в качестве места издания на титульном листе был указан Лондон) в составе 73 статей. В 1765 г. этот словарь издавался дважды. В издании 1767 г. в словарь были включены еще 34 статьи, и в последующих прижизненных изданиях он постоянно расширялся. В первом Полном собрании произведений Вольтера, изданном после его смерти (г. Кель, 1784–1787) в 70 томах, "Философский словарь" занял 8 томов, в которые были включены статьи, предназначавшиеся для "Энциклопедии" и печатавшиеся в ряде сборников 60–70-х годов.

"Философский словарь" -- одно из самых значительных и действенных выражений воинствующего просветительства – имел огромный успех, широко распространяясь не только во Франции, но и во многих других европейских странах до России включительно. Аббат Шодон, стремившийся своим "Антифилософским словарем" (1767) создать противоядие вольтеровскому произведению, с ненавистью писал о последнем: "Из всех сочинений, которые извергла на свет ярость безбожия, нет ни одного, отмеченного более мрачными чертами, чем "Философский словарь"... Его все читают, все его цитируют военные, магистраты, женщины, аббаты; это чаша, из которой все состояния и все возрасты отравляются ядом безбожия..." (Chaudon. Dictionnaire Anti-Philosophique. P., 1767. P. V). Вызвав массу озлобленных опровержений со стороны теологов, "Философский словарь" вместе с тем подвергся юридическому осуждению со стороны властей. Его приговорили к сожжению суды Женевы и Парижа, папской курией он был включен в "Индекс запрещенных книг". Обвинительное заключение французского королевского прокурора Жоли де Флери указывало на связь антирелигиозного содержания "Философского словаря" с подрывом доверия ко всем властям, освящаемым религией: "Таинства, догматы, мораль, дисциплина, культ, истины религии, авторитет божественной и человеческой власти – все это становится мишенью богохульствующего пера этого автора..." (цит. по: Hervier M. Les écrivains français jugés par leurs contemporains. P. 1831. T. II. P. 122). Хотя все сведущие люди не сомневались в том, что "Философский словарь" написан Вольтером, формальных улик против него не было, и он упорно отрицал свое авторство, прося своих друзей помогать ему в этом.

В России отдельные статьи из "Философского словаря" переводились и издавались с конца XVIII в.

Большая подборка статей из "Философского словаря", содержащих критику религий и церкви, имеется в книге: Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма в двух томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Во втором томе этой книги помещены со значительными сокращениями, в частности (в переводе Л.Ю. Виндт), статьи "Атеист", "Бог, боги", "Теизм, теист", "Философ", "Философия". В настоящем издании названные статьи публикуются полностью и в переводе С.Я. Шейнман-Топштейн.

АТЕИСТ

Раздел первый

Среди христиан было множество атеистов; ныне их гораздо меньше. На первый взгляд может показаться парадоксальным – хотя по внимательном рассмотрении это оборачивается истиной – то, что теология часто ввергала умы в атеизм, а философия в конечном итоге их извлекала из этой бездны. В самом деле, некогда следовало извинять людям сомнение в божестве, коль скоро единственные лица, возвещавшие им это божество, спорили о его природе. Первые отцы церкви почти все делали своего Бога телесным; следующие поколения отцов церкви, отказывая божеству в протяженности, помещали его тем не менее в некой части неба; согласно одним из них, он сотворил мир во времени, согласно другим – сам создал время; эти приписывали ему сына, имеющего образ его и подобие, те вообще отрицали за сыном какое-либо сходство с отцом. Споры шли также о способе, каким третья ипостась происходила из первых двух.

Волновались по поводу того, составляют ли земной облик сына две ипостаси. Таким

образом, вопрос незаметно разросся до диспута относительно пяти ипостасей божества – двух земных ипостасей Иисуса Христа и трех небесных -- или же о четырех, если считать земную ипостась Иисуса единой, а также о трех, если рассматривать Иисуса только как Бога. Спорили и о его матери, о нисхождении в ад и в преддверие рая, о способе поедания тела человекобога, о том, как пить кровь человекобога, а также о благодати, святых и многих других подобных предметах. Когда люди видели, что доверенные лица Бога столь мало между собой согласны и из века в век провозглашают друг другу анафему, однако все они согласны между собой в смысле непомерной жадности богатства и власти, и когда, с другой стороны, взгляд задерживался на необъятном числе преступлений и бед, поражавших чумой землю, причем многие из этих бед были вызваны самими диспутами наших духовных пастырей, тогда – надо это признать -- разумным людям, по-видимому, показалось дозволенным усомниться в существовании столь причудливо возвещенного Бога, а человеку восприимчивому – решить, что Бога, который мог добровольно породить стольких несчастных, не существует.

Представим себе, например, какого-нибудь физика XV века, читающего в "Сумме" святого Фомы такие слова: "Virtus coeli, loco spermatis, sufficit cum elementis et putrefactione ad generationem animalium imperfectorum" (лат. – "Силы неба без всякой спермы довольно для порождения несовершенных животных с помощью элементов и процесса гниения"). Вот как бы этот физик мог рассуждать: "Если гнили и элементов довольно для образования бесформенных животных, ясно, что немножко большего количества продуктов гниения и немного более сильного жара будет достаточно для образования более совершенных животных. Сила неба здесь – сила природы. Итак, я должен думать вместе с Эпикуром и святым Фомой, что люди могли родиться из жидкой грязи и солнечных лучей; и это еще будет довольно благородное происхождение для столь злополучных и злых существ. Зачем же мне допускать Бога-Творца, если мне его представляют в столь противоречивых и возмущающих разум образах?" Однако в конце концов физика народилась и вместе с ней философия. Тогда все ясно узнали, что нильская тина не образует ни единого насекомого. Ученые были вынуждены признать повсеместно зародыши, связи, посредствующие звенья и поразительное соответствие между всеми созданиями. Они проследили лучи света, исходящие от Солнца с целью освещения планет и кольца Сатурна на расстоянии в триста миллионов лье, а также для того, чтобы образовать на Земле, в глазу маленького клеща, два угла, противоположащих вершине треугольника, и запечатлеть образ природы на его сетчатке. Миру был дан философ, открывший, с помощью каких простых и величественных законов движутся небесные тела в бездне пространства. Итак, творение мира, ставшее более понятным, указывает на мастера, а большое число всегда постоянных законов доказало существование законодателя. Здравая философия разрушила, таким образом, атеизм, которому темная теология давала в руки оружие.

Для небольшого числа беспокойных умов оставалось прибегнуть к единственному -- последнему -- средству: более шокированные пресловутыми несправедливостями верховного бытия, нежели пораженные его мудростью, они упрямо отвергали этот первичный двигатель. Они говорили: природа существует извечно; в природе все находится в движении, а значит, все претерпевает постоянные перемены. Но, если все вечно меняется, следовательно, могут возникнуть всевозможные комбинации; таким образом, современное состояние всех вещей может быть следствием одного лишь этого движения и вечного изменения. Возьмем шесть игральные кости: в действительности приходится держать пари за 46 655 шансов против одного, что вы не выбросите шесть раз по шесть очков; но даже с этими 46 655 шансами подобное пари равноправно. Таким образом, в бесконечной череде времен нет ничего невозможного для возникновения одной из бесчисленных комбинаций, такой, как современное устройство вселенной.

Мы видели, что умы, в остальном рассудительные, были оболещены этим аргументом; однако они не подумали о том, что против них – бесконечное число аргументов, но зато, разумеется, далеко не бесконечно число аргументов против существования Бога. Еще они должны оставить во внимание: если все изменяется, даже мельчайшие виды вещей не должны оставаться неизменными, какими они пребывали долгое время. По крайней мере, у этих людей нет никаких оснований считать, будто новые виды не образуются каждодневно. На самом же деле весьма вероятно, что могущественная рука, господствующая над всеми этими вечными переменами, останавливает различные виды в ею предписанных им границах. Итак, философ, признающий Бога, располагает множеством возможностей, равных уверенности, у атеиста же остаются одни сомнения. Можно развить целый ряд доказательств, разрушающих атеизм в философии.

Ясно, что в морали гораздо больший смысл имеет признавать Бога, нежели не допускать его существование. В интересах всего человечества, чтобы существовал Бог, который карал бы то, что не в состоянии подавить человеческое правосудие; но ясно также, что лучше было бы не признавать Бога, чем поклоняться в его лице варвару, коему надлежит приносить человеческие жертвы, как это происходило у многих народов.

Истина эта окажется вне подозрений, если привести следующий разительный пример: при Моисее¹ иудеи не имели ни малейшего представления о бессмертии души и об иной жизни. Законодатель их не объявляет им от лица Бога ничего, кроме чисто временных кар и воздаяний; вопрос для них, таким образом, заключается только в том, чтобы жить. Но Моисей отдает левитам распоряжение убить двадцать три тысячи их собратьев за то, что они поклонялись золотому или позлаченному тельцу; в другой раз убиты двадцать четыре тысячи за сношения с дочерьми страны, в которой они пребывали, а двенадцать тысяч поражены смертью за то, что некоторые из них пожелали укрепить арку, готовую рухнуть: уважая веления Провидения, можно все же по-человечески утверждать, что для этих пятидесяти девяти тысяч человек, не веривших в загробную жизнь, было бы значительно лучше пребывать абсолютными атеистами и жить, чем быть убитыми во имя чтимого ими Бога.

Несомненно, в китайских школах для эрудитов не преподают атеизм; тем не менее образованных атеистов там много, ибо они – посредственные философы. Однако несомненно и то, что лучше жить с ними в Пекине, пользуясь благодетельным воздействием их законов и нравов, чем быть выдворенным в Гоа и стонать там под тяжестью кандалов в тюрьмах инквизиции, дабы затем выйти из тюрьмы облепленным чертями, в рясе, окуренной серой, и испустить дух на костре.

Те, кто утверждал, что общество, состоящее из атеистов, возможно, были по-своему правы, ибо общество формируют законы; атеисты, будучи притом и философами, могут вести очень мудрую и счастливую жизнь под сенью законов; во всяком случае, они жили бы в обществе с большей легкостью, чем суеверные фанатики. Населите один город Эпикурами, Симолидами, Протагорами, Дебарро и Спинозами, а другой – янсенистами и молинистами -- и в каком из них, полагаете вы, будет больше волнений и ссор? Если рассматривать атеизм лишь в отношении к этой жизни, то он был бы весьма опасен в среде дикого непримиримого народа; однако ложные представления о божестве были бы не менее губительны. Большинство великих мира сего живут так, как если бы они были атеистами: всякий, кто прожил жизнь и был наблюдателем, знает, что познание Бога, его присутствие и правосудие не имеют ни малейшего влияния на войны, союзы, а также на объекты тщеславия, выгоды, удовольствий, похищающих каждое мгновение жизни этих людей; однако нет того, чтобы они грубо попирали правила, установленные в обществе, и потому гораздо более приятно проводить свою жизнь рядом с ними, нежели с суеверными людьми и фанатиками. Правда, я ожидаю большей справедливости от того, кто верит в Бога, чем от того, кто в него не верит; но от суеверных людей я жду только горечи и преследований. Атеизм и фанатизм -- два чудовища, способные разодрать на части и пожрать общество; однако атеист в своем заблуждении сохраняет свой разум, вырывающий зубы из его пасти, фанатик же поражен неизлечимым безумием, наоборот, эти зубы оттачивающим.

Раздел второй

В Англии, как и повсюду, было и существует сейчас много принципиальных атеистов; ведь только молодые, неопытные проповедники, худо осведомленные о том, что вершится в мире, могут уверять, будто в Англии нет места атеистам; я знал нескольких атеистов во Франции, бывших отличными естествоиспытателями, и, признаюсь, у меня вызывало крайнее изумление то, что люди, отлично разбирающиеся в пружинах природы, упрямо отрицают существование руки, столь явно управляющей игрой этих пружин.

Как мне представляется, одним из основоположений, ведущих их к материализму, является вера в бесконечную и заполненную вселенную, а также в вечно существующую материю: видимо, именно эти принципы сбивают с толку материалистов, ибо все ньютоновцы, коих я знал, допуская пустоту и конечную материю, тем самым допускают и Бога.

В самом деле, если материя, как это утверждают множество философов и сам Декарт, бесконечна, значит, она сама по себе обладает атрибутом верховного бытия; если

пустота немыслима, значит, материя существует необходимо; а если она существует необходимо, она существует извечно; в соответствии с подобными принципами можно, таким образом, вполне обойтись без Бога – творца, создателя и хранителя этой материи.

Я хорошо знаю, что Декарт и большинство школ, веривших в заполненное пространство и безграничную материю, в то же время допускали существование Бога; но это лишь потому, что люди не рассуждают и не ведут себя в соответствии со своими принципами.

Если бы люди рассуждали последовательно, Эпикур и его апостол Лукреций должны были бы быть самыми верующими поборниками провидения, которое они, наоборот, ниспровергали: ведь, допуская пустоту и конечную материю, т.е. истину, о которой они лишь смутно догадывались, они с необходимостью должны были сделать вывод, гласящий, что материя не необходима и не существует сама по себе, поскольку она не бесконечна. Таким образом, в своей собственной философии вопреки самим себе они располагали доказательством существования другого верховного бытия, необходимого, безграничного, Творца вселенной. Философия Ньютона, допускающая и доказывающая конечность материи и существование пустоты, столь же наглядно доказывает существование Бога.

Итак, я рассматриваю истинных философов как апостолов божества; но неодинаково обстоит дело у разного рода людей: приходской настоятель проповедует существование Бога детям; Ньютон же доказывает это мудрецам.

В Лондоне после войны Кромвеля при Карле II, так же как и в Париже после войн Гизов при Генрихе IV, было много острых споров по поводу атеизма; перейдя от крайней жестокости ко всяческим удовольствиям и развратив свои умы сначала войной, а затем изнеженностью, люди тогда рассуждали весьма посредственно; но чем больше они изучали природу, тем больше познавали ее творца.

Я осмеливаюсь верить в некую вещь, а именно в то, что из всех религий теизм более всего распространен в мире: он – господствующая религия в Китае; такова же магометанская секта мудрецов, а из десяти христианских философов восемь придерживаются этого направления; теизм проник даже в теологические школы, в монастыри и в папский конклав: то род секты без корпорации, без культа и без обрядов, без диспутов и ложного рвения, причем учение это распространилось в мире, хотя никто его не проповедовал. Теизм встречается внутри всех религий, как и иудаизм; но особенно обращает на себя внимание то, что одна из этих религий, являющаяся клубком суеверий, отвращающих от себя людей и презираемых мудрецами, терпима всюду ценой денег, другая же, противопоставляющая себя суевериям, неведомая народу и исповедуемая одними только философами, публично исповедуется только в Китае. Нет в Европе страны, в коей было бы больше теистов, чем в Англии. Многие спрашивают у них, имеют они религию или нет.

Существуют два рода теистов. Одни полагают, что Бог сотворил мир, но не дал человеку правил добра и зла: ясно, что эти люди могут называться только философами.

Но есть и такие, кто думает, что Бог даровал человеку естественный закон, и подобные люди, как это ясно, имеют религию, хотя и не имеют внешнего культа. С точки зрения христианской религии это мирные неприятели, пригретые ею в собственном лоне и отрекающиеся от нее, хотя они ее и не разрушают.

Все остальные секты стремятся к господствующему положению; каждая из них подобна политической корпорации, старающейся прокормиться за счет питательных средств других сект, а затем взгромоздиться на этих развалинах; один лишь теизм пребывал всегда безмятежным. Никто никогда не видел теистов, строящих козни в каком-либо государстве.

В Лондоне существовало общество теистов, собиравшееся в течение некоторого периода времени возле храма Войр; у них была небольшая книжечка их законов; религия, по поводу которой в те времена сочиняли столько объемистых томов, укладывалась в две странички этой книжки. Главной аксиомой их религии был следующий принцип: мораль для всех людей одинакова, а значит, она исходит от Бога; культ у разных людей различен, а значит, он является творением человека.

Вторая аксиома гласит: люди, будучи все между собой друзьями, преследуют своих

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org

собратьев потому, что различным способом выражают свою любовь к общему своему отцу. В самом деле, говорят эти теисты, что это за честный и порядочный человек, если он собирается убить своего старшего или младшего брата лишь потому, что один из них приветствует их общего отца по-китайски, другой же -- по-голландски, особенно если в семье нет прочной уверенности в том способе, каким по желанию отца надо выказывать ему уважение? Как представляется, тот, кто ведет себя таким образом, будет скорее дурным братом, нежели добрым сыном.

Я хорошо знаю, что подобные максимы прямо ведут к "ужасной и омерзительной догме терпимости"; итак, я всего только излагаю факты. Я очень боюсь оказаться спорщиком. Однако следует признать, что, если бы различные секты, сеявшие раздор среди христиан, отличались подобной умеренностью, христианство не возмущали бы столь многочисленные беспорядки, не вносили бы полную неразбериху множество переворотов и его не заливало бы такое количество крови.

Посетуюем на то, что теисты опровергают наше священное откровение. Однако как это происходит, что многие кальвинисты, лютеране, анабаптисты, несториане, ариане, сторонники Рима и их враги были столь кровожадными, дикими и злополучными, что преследовали и были преследуемы? Происходит это потому, что они принадлежали к толпе. А как происходит, что теисты, даже заблуждаясь, никогда не причиняли зла людям? Происходит это потому, что они - философы. Христианская религия стоила человечеству более семнадцати миллионов жизней, если считать по одному миллиону в столетие - как тех, кто погиб от рук палачей правосудия, так и тех, кто умер от рук других, наемных палачей, построенных в боевом порядке, - и все это во имя благополучия ближних своих и вящей божественной славы.

Я понимаю удивление людей по поводу того, что религия, столь умеренная, как теизм, кажущаяся столь соответствующей разуму, не получила никакого распространения в народе.

В толпе, как высокопоставленной, так и "низовой", можно встретить благочестивых зеленщиц, богомольных барышников, герцогинь-молинисток и педантичных портных, которые дадут себя сжечь на костре во имя анабаптизма, а также святых возниц экипажей, полностью приверженных интересам Лютера или Ария, однако в этой толпе не найдешь ни одного теиста. Происходит это потому, что теизм меньше заслуживает наименования религии, нежели философской системы, а высокопоставленная и низовая толпа не принадлежит к философскому сообществу.

Локк был открытым теистом. Я был удивлен, обнаружив в принадлежащей этому большому философу главе, посвященной врожденным идеям, утверждение, гласящее, что у всех людей представления о справедливости между собой различны. Если бы это было так, мораль тоже стала бы многообразной и голос Бога не был бы услышан всеми людьми; в таком случае естественной религии больше не существует. Я мог бы поверить Локку, что существуют народы, где принято пожирать собственных отцов и где в порядке дружеской услуги спят с женой своего соседа; однако, если это и верно, это никак не доказывает, будто закон: "не делай другому того, что ты не хотел бы видеть причиненным тебе" - не является всеобщим правилом. Ведь если кто-то съедает собственного отца, то лишь потому, что тот уже стар и не в состоянии более владеть своей жизнью, почему и может быть погнан своими врагами; но какой отец, спрашиваю я вас, не предпочтет уснастить собой трапезу сына тому, чтобы не стать добычей врага своего народа? Более того, тот, кто поедает собственного отца, рассчитывает, что, в свой черед, будет съеден своими детьми.

Если кто-то оказывает услугу соседу тем, что переспит с его женой, то лишь потому, что сосед этот не может иметь детей, однако жаждет приобрести сына: ведь в противном случае он будет весьма огорчен. В обоих этих случаях, как и во всех остальных, закон: "не делай другому того, что ты не хотел бы видеть причиненным тебе" - остается в силе. Все прочие правила, столь многообразные, связаны именно с этим. И когда мудрый метафизик Локк говорит, что у людей нет врожденных идей и они имеют различные представления о справедливом и несправедливом, он, разумеется, не утверждает будто Бог не дал всем людям тот инстинкт самосохранения, что с необходимостью всеми ими руководит.*

*) - Смотри статьи "Себялюбие", "Атеизм и теизм" настоящего "Словаря", а также Символ веры теистов (Сборник за 1768 год) и Письма Меммия к Цицерону (Сборник за 1771 год). - Примеч. Вольтера.

АТЕИЗМ

Раздел первый

О СРАВНЕНИИ, СТОЛЬ ЧАСТО ДЕЛАЕМОМ МЕЖДУ АТЕИЗМОМ И ИДОЛОПОКЛОНСТВОМ

Мне кажется, что в "Энциклопедическом словаре" не опровергается с достаточной силой мнение иезуита Ришона относительно атеистов и идолопоклонников, поддерживавшееся некогда святым Фомой, святым Григорием Назианским, святым Киприаном и Тертуллианом. Это мнение Арнобий развил со всей страстностью, заявив язычникам: "Не краснеете ли вы, когда ставите нам в упрек наше презрение к вашим богам? И разве не лучше вовсе не верить в бога, чем приписывать ему бесславные поступки?". Подобное мнение было высказано задолго до того Плутархом, заявившим, что он скорее предпочтет, чтобы говорили, будто вообще не существует Плутарха, нежели чтобы говорили: "Есть Плутарх – непостоянный, гневливый и мстительный"; наконец, это мнение было подкреплено всевозможными усилиями диалектики Бейля.

Вот основа этого спора, представленная в достаточно ярком свете иезуитом Ришомом и ставшая еще менее состоятельной из-за того способа, каким Бейль хотел ее укрепить.

"У двери дома стоят два портье. Их спрашивают: "Можно видеть вашего господина?" – "Его нет дома", – отвечает один. "Он там, – говорит второй, но он занят изготовлением фальшивой монеты, заключением лживых контрактов, производством кинжалов и ядов, чтобы погубить тех, кто не выполнил его замыслов". Атеист напоминает первого из этих портье, язычник -- второго. Ясно, что язычник оскорбляет божество более тяжким образом, чем атеист"".

С разрешения отца Ришона, а также Бейля -- суть вопроса заключена совсем не в этом. Чтобы первый портье походил на атеиста, ему вовсе не нужно говорить: "Моего господина нет дома", ему надо сказать: "У меня нет господина; тот, кого вы считаете моим господином, не существует; брат глупец, раз он вам говорит, что месье занят составлением ядов и заточкой кинжалов ради убийства тех, кто выполнял его волю". Подобного существа в мире не существует.

Итак, Ришом рассуждал очень скверно, а Бейль в своих несколько расплывчатых рассуждениях забылся настолько, что оказал Ришому честь довольно неудачно его прокомментировать.

Плутарх, по-видимому, изъясняется значительно лучше, предпочитая людей, уверяющих, будто не существует Плутарха, тем, кто утверждает что Плутарх человек нелюдимый. Что за дело ему, действительно, если станут говорить, будто его не существует? Однако для него очень важно, чтобы не оскорбляли его репутацию. Но не так обстоит дело с верховным бытием.

Плутарх пока не задевает истинного вопроса, подлежащего рассмотрению. Речь не идет здесь о том, кто более оскорбляет верховное Существо – тот, кто его отрицает, или тот, кто искажает его обличье: ведь лишь путем откровения можно узнать, оскорблен ли Бог пустыми прениями о нем людей.

Философы, даже не помышляя об этом, почти всегда впадают в вульгарное представление, предполагая, что Бог ревнив к своей славе, что он гневлив, мстителен, и создавая риторические построения вместо реальных идей. Интересным объектом для всего мира является вопрос о том, не лучше ли ради блага всего человечества допустить Бога воздающего, Бога-мстителя, вознаграждающего за незаметные добрые дела и карающего за тайные преступления, чем не допускать никакого Бога.

Бейль ограничивается тем, что приводит все образцы бесчестья, приписываемые мифами античным богам; его противники отвечают ему ничего не значащими общими местами; сторонники Бейля и его противники сражались, почти всегда не сталкиваясь между собой непосредственно. Все они согласны, что Юпитер был волокитой, Венера – бесстыдницей, Меркурий – плутом; но не это, как мне кажется, следует выяснять: надо отличать "метаморфозы" Овидия от древней римской религии. Весьма достоверно, что у римлян никогда не было храмов, посвященных Меркурию-плуту, Венере-срамнице и волоките Юпитеру.

Бога, коего римляне именовали Deus optimus, maximus (лат.-милостивейший, величайший), они не считали способным подбить Клодия² на связь с женой Цезаря, а

Цезаря на то, чтобы быть любовником царя Никомеда3.

Цицерон не упоминает даже о том, будто именно Меркурий подбил Верреса4 ограбить Сицилию, хотя, согласно мифу, Меркурий похитил коров Аполлона. Истинная религия древних гласила, что милостивейший и справедливый Юпитер, а также второстепенные боги карают за реступления в царстве Плутона. Благодаря этому римляне долгое время оставались самыми религиозными блюстителями обетов. Религия, таким образом, была очень полезна римлянам. Она вовсе не повелевала им верить в два яйца, снесенных Ледой, в превращение дочери Инаха в корову и в любовь Аполлона к Гиацинту.

Поэтому не следует говорить, будто религия Нумы бесчестила божество. Итак, долгое время шли диспуты о химере, а это случается слишком уж часто.

Далее, задают вопрос, может ли сохранить свое существование народ, состоящий из атеистов. Как мне представляется, следует различать народ в собственном смысле этого слова и сообщество философов, стоящее над народом. Весьма верно, что в любой стране население нуждается в крепкой узде; и если бы Бейль распорядился хотя бы пятьюстами или шестьюстами крестьян, он не обошелся бы без провозглашения пред ними существования Бога -- карающего и воздающего. Но Бейль не сказал бы этого эпикурейцам -- людям богатым, влюбленным в спокойный досуг, культивировавшим все социальные добродетели, и особенно дружбу, избегавшим сложностей и опасностей общественных дел, ведшим, наконец, приятный и невинный образ жизни. Мне кажется, на этом -- что касается общества и политики -- спор должен быть окончен.

Что же касается абсолютно диких народов, то, как мы уже сказали, их нельзя считать ни атеистами, ни теистами. Спрашивать у них об их вере -- все равно что спрашивать, за Аристотеля они или за Демокрита: они ничего этого не знают; они не более атеисты, чем перипатетики. Однако можно настаивать; можно сказать: они живут в обществе и лишены Бога; итак, можно жить в обществе и без религии.

В этом случае я бы сказал, что волки тоже живут таким образом и собираются варваров-людоедов, какими вы их считаете, не есть общество; я всегда буду спрашивать вас, желаете ли вы, чтобы, когда вы одолжите деньги кому-нибудь из членов своего общества, ваши должники, а также прокурор, нотариус и судья оказались людьми, не верующими в Бога?

Раздел второй

СОВРЕМЕННЫЕ АТЕИСТЫ.

ДОВОДЫ ПОКЛОННИКОВ БОГА

Мы -- разумные существа, а разумные существа не могли быть сформированы грубым бытием, слепым и бесчувственным: несомненно, существует какая-то разница между идеями Ньютона и пометом мула. Итак, интеллект Ньютона произошел от какого-то иного интеллекта.

Когда мы видим прекрасно сложенный механизм, мы говорим, что имеется хороший механик и этот механик очень разумен. Мир, несомненно, восхитительный механизм, а значит, в мире существует восхитительный интеллект, где бы он ни находился. Аргумент этот стар, но от этого он не хуже.

Все живые тела состоят из рычагов и блоков, действующих согласно законам механики, а также из жидкостей, кои законы гидростатики заставляют всегда циркулировать; когда подумаешь, что все эти существа обладают чувством, не имеющим никакого отношения к их конституции, нас охватывает подлинное изумление.

Движение звезд и нашей малой Земли вокруг Солнца -- все это совершается в соответствии с самыми глубокими математическими законами. Каким образом Платон, не знавший ни одного из этих законов, красноречивый, но склонный к фантазерству Платон, утверждавший, будто Земля состоит из равнобедренных треугольников, а вода -- из треугольников прямоугольных, -- тот чудаковатый Платон, который говорил, что может существовать не более пяти миров, поскольку существует всего пять правильных тел, -- каким образом, говорю я, Платон, не знавший даже сферической тригонометрии, тем не менее был столь гениален и имел столь

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
счастливым инстинкт, что назвал Бога вечным Геометром и почувствовал существование творческого Интеллекта? Сам Спиноза признает все это. Истину эту невозможно оспаривать – она нас окружает и давит на нас со всех сторон.

ДОВОДЫ АТЕИСТОВ

Тем не менее я знал смутьянов, утверждавших, будто вообще не существует творческого Разума и будто одно лишь движение породило само по себе все то, что мы видим, и то, чем являемся. Они дерзко твердят вам: образование этой Вселенной было возможно потому, что она существует; итак, одно лишь движение могло ее сотворить. Возьмем только эти четыре светила – Марс, Венеру, Меркурий и Землю – и подумаем прежде всего, отвлекаясь от прочего, о занимаемом ими месте; посмотрим, сколько у нас шансов за то, что одно лишь движение могло поместить их на соответствующие места. В подобной комбинации мы располагаем всего двадцатью четырьмя шансами, или, иначе говоря, можно поставить двадцать четыре против одного, что эти светила окажутся не там, где они есть, по отношению друг к другу. Добавим к четырем этим планетам Юпитер, тогда можно будет поставить сто двадцать против одного за то, что Юпитер, Марс, Венера, Меркурий и наш земной шар не окажутся там, где мы их видим.

Наконец, добавьте сюда Сатурн; в этом случае будет семьсот двадцать шансов против одного за то, чтобы не поместить эти шесть крупных планет в том порядке, какой они сохраняют между собой согласно их данным дистанциям. Итак, нами доказано, что лишь одно из семиста двадцати движений могло расположить эти шесть главных планет в их существующем ныне порядке.

Возьмем, далее, все второстепенные звезды, все их комбинации, движения, а также все существа, произрастающие, живущие, чувствующие, мыслящие и действующие на всех этих планетах, и вы должны будете увеличить количество шансов: умножьте это число всю вечность вплоть до того количества, коему наша слабость дала название бесконечности, все равно в пользу образования мира таким, каков он есть, силой одного лишь движения всегда останется единица; итак, возможно, что в масштабах вечности единственное движение материи произвело вселенную такой, какова она есть. И даже необходимо, чтобы в масштабах вечности возникла подобная комбинация. Итак, говорят атеисты, не только возможно, чтобы в силу одного-единственного движения мир оказался таким, каков он есть, но было бы, наоборот, невозможно, чтобы в результате бесконечных комбинаций он таковым не оказался.

ОТВЕТ

Вся эта гипотеза представляется мне в высшей степени фантастичной по двум причинам: во-первых, потому, что в нашей вселенной есть разумные существа, а вы не сумеете доказать, будто возможно, чтобы одно лишь движение создало разум; во-вторых, потому, что, согласно вашему собственному мнению, за то, что разумная творческая причина одушевляет вселенную, стоит бесконечность против единицы.

Еще раз: сам Спиноза допускает такой разум; разум этот – основа его системы. Просто вы его не читали, а надо его читать. Почему же вы хотите идти дальше, чем он, и ввергнуть ваш слабый разум в бездну, куда не осмелился спуститься Спиноза? Не чувствуете ли вы отлично, насколько глупо считать, будто слепая причина установила, что отношение квадрата периода обращения одной планеты к квадратам периодов обращения других планет всегда равно отношению куба дистанции одной из них к кубам дистанций других от их общего центра? Либо звезды -- великие геометры, либо вечный Геометр упорядочил эти звезды.

Но где этот вечный Геометр находится? В одном ли он месте или повсюду, не занимая при этом пространства? Я ничего об этом не знаю. Образовал ли он все из своей собственной субстанции? Я ничего об этом не знаю. Необъятен ли он, не обладая при этом количеством и качеством? И об этом я ничего не знаю. Все, что мне известно: надо его любить и быть справедливым.

НОВОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО АТЕИСТА

Можно ли сказать, что части тела животных сообразованы с их потребностями? Каковы эти потребности? Сохранение жизни и размножение. Но следует ли удивляться тому, что из бесконечных комбинаций, произведенных случаем, смогли выжить лишь те, что имели органы, приспособленные к питанию и продолжению рода? И не должны

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
ли были все остальные погибнуть в силу необходимости?

ОТВЕТ

Это рассуждение, твердившееся не раз после Лукреция, достаточно веско опровергается данным живым существам ощущением, а также разумом, дарованным человеку. Каким образом комбинации, произведенные случаем, могли бы произвести, в свою очередь, это ощущение и этот разум (в таком порядке, как только что было сказано в предыдущем параграфе)? Да, несомненно, члены животных созданы с непостижимым искусством для удовлетворения всех их потребностей, и у вас не хватает даже смелости это отрицать. Вы больше не касаетесь этого момента. Вы чувствуете, что вам нечего ответить на этот великий аргумент, выдвинутый против вас природой. Расположения частей одного только мушиного крылышка или органов улитки довольно для того, чтобы вас сразить.

ВОЗРАЖЕНИЕ МОПЕРТЮИ

Современные физики только развили эти пресловутые аргументы, доводя их часто до педантизма и неприличия. Бога отыскивали даже в складках кожи носорога – с таким же правом можно было бы отрицать его существование на основании панциря черепахи.

ОТВЕТ

Что это за рассуждение?! Черепаха, и носорог, и все многообразные виды одинаковым образом доказывают в своем бесконечном разнообразии все ту же причину, тот же замысел и ту же цель -- сохранение видов, их порождение и смерть. В этом бесконечном разнообразии обнаруживается единство; свидетельствами такого единства равным образом являются и кожа, и панцирь. Как! Отрицать Бога лишь потому, что панцирь не сходен с кожей! И журналисты расточают хвалы этим нелепостям – хвалы, каких у них не заслужили Ньютон и Локк, оба почитателя божества в вопросе исследования первопричины.

ВОЗРАЖЕНИЕ МОПЕРТЮИ

Чему служит красота и приспособленность в строении организма змеи? Говорят, что она может иметь привычки, которые нам неизвестны. Помолчим же лучше по этому поводу и не будем восхищаться животным, которое мы знаем лишь по творимому им злу.

ОТВЕТ

Помолчите–ка лучше и вы, ибо вам понятна полезность этого животного не больше, чем мне, или признайте, что в пресмыкающихся все восхитительно пропорционально.

Существуют ядовитые змеи; вы сами были такой змеей. Но здесь речь идет только о великолепном искусстве, сформировавшем змей, четвероногих, птиц и двуногих. Искусство это достаточно очевидно. Вы спрашиваете, почему змея вредит? А почему вы столько раз вредили? Почему вы преследовали других, ведь это – величайшее преступление для философа? То ведь совсем другой вопрос, вопрос морального зла и зла физического. Давно уже возник вопрос, откуда столько змей и столько злых людей, худших, чем змеи. Если бы мухи умели рассуждать, они пожаловались бы Богу на существование пауков; однако они признали бы то, что Минерва, согласно мифу, признала за Арахной, а именно что она восхитительно тклет свою ткань.

Поэтому следует абсолютно признать неизреченный Интеллект, допускаемый и самим Спинозой. Надо согласиться, что он проблескивает даже в самом дрянном насекомом, так же как в звездах. А что нам следует говорить и делать с точки зрения морального и физического зла? Да просто утешаться тем, что мы пользуемся физическим и моральным благом, и поклоняться вечному Существу, сотворившему одно и попустившему другое.

Еще слово по этому поводу. Атеизм – порок некоторых умных людей, суеверие – порок глупцов; но что такое мошенники? Да просто мошенники.

Нам представляется лучшим, что мы можем здесь сделать, – переписать стихотворный отрывок, написанный христианским автором по поводу атеистической книги, озаглавленной "Три обманщика"⁵, на открытие коей претендует некий г-н де

Троусмандорф.

Раздел третий

О НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ОБВИНЕНИЯХ И ОПРАВДАНИИ ВАНИНИ

Некогда, если кто-нибудь располагал секретом в каком-то искусстве, он рисковал прослыть колдуном; любая новая секта подвергалась обвинению в убийстве детей во время своих мистерий, и всякий философ, отклонявшийся от жаргона, принятого в данной школе, обвинялся в атеизме фанатиками и жуликами и проклинался глупцами.

Анаксагорб осмелился утверждать, что Солнце вовсе не влечется упряжкой коней, управляемых Аполлоном, - его нарекают атеистом, и он принужден спасаться бегством.

Некий жрец обвиняет Аристотеля в атеизме; не имея возможности подвергнуть наказанию своего обвинителя, тот удаляется в Халкиду. Но смерть Сократа - самая одиозная глава в истории Греции.

Аристофан (комментаторы восхищаются этим человеком, ибо он был грек, и не думают о том, что Сократ также был греком) первым приучил афинян к мысли о том, что Сократ - атеист.

Этот комический поэт, не являющийся ни комиком, ни поэтом, не был бы допущен у нас со своими фарсами на базар Сен- Лоран; мне он кажется гораздо более низменным и жалким, чем его изображает Плутарх. Вот слова мудрого Плутарха об этом балаганщике: "Язык Аристофана отдает его жалким шарлатанством: то самые низменные и безвкусные остроты. Он не забавен даже для народа и невыносим для рассудительных и приличных людей; его высокомерие нестерпимо, и порядочные люди презирают его коварство".

Между прочим, это и есть Табарен, коим осмеливается восхищаться мадам Дасье⁷, почитательница Сократа: человек этот исподтишка подготовил яд, который бесчестные судьи заставили выпить самого добродетельного из греков.

Афинские кожевники, сапожники и портные аплодировали фарсу, в котором Сократ изображался подвешенным в воздухе в корзине, заявляющим, что у него нет бога, и похваляющимся тем, что, уча философии, он стянул у кого-то плащ. Целый народ, негодное правительство которого допускало подобные бесчестные вольности, вполне заслужил того, что с ним произошло: греки стали рабами римлян, а ныне - турок. Россияне, коих греки именовали некогда варварами и которые ныне им покровительствуют, никогда не отравляли Сократа и не осуждали на смерть Алкивиада⁸.

Перескочим весь промежуток времени между Римской республикой и нами. Римляне - народ гораздо более мудрый, чем греки, - никогда не преследовали ни одного философа за убеждения. Но не так обстояло дело среди варварских народов, наследовавших Римской империи. С момента, когда император Фридрих II поссорился с папой, его обвиняют в том, что он - атеист и автор книги "Три обманщика" в соавторстве со своим канцлером де Виейей.

Наш великий канцлер де Л'Опиталь⁹ восстал против преследований, и его тотчас же обвинили в атеизме*: *homo doctus, sed verus atheus*^{**}. Иезуит, стоящий настолько же ниже Аристофана, насколько Аристофан ниже Гомера, несчастный, имя которого стало посмешищем даже среди фанатиков, словом, иезуит Гарасс находит всюду и везде атеистов - так он именуется всех тех, против кого он выступает с неистовством. Он называет атеистом Теодора де Беза; и именно он ввел в заблуждение общество относительно Ваннини¹⁰.

Злополучный конец Ваннини не вызывает у нас такого негодования и сожаления, как смерть Сократа, ибо Ваннини был всего лишь чудаковатым педантом без всяких заслуг; но, конечно, Ваннини не был атеистом, как пытаются утверждать, - он был чем-то прямо противоположным.

Он был бедным неаполитанским священником, проповедником и теологом по ремеслу, беспощадным спорщиком по вопросам "чтойностей" и универсалий и о том, *utrum chimera bombinans in vacua possit comedere secundas intentiones*^{***}. Впрочем, он не обладал ни одной жилкой, которая толкала бы его к атеизму. Его представление

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
о Боге взято из самой здоровой и заслуживающей одобрение теологии. "Бог -- собственное начало и конец, отец того и другого, не нуждающийся ни в том, ни в другом, вечный и не пребывающий во времени, присутствующий повсюду и не занимающий в то же время никакого места. Для него нет ни прошлого, ни будущего; он всюду и нигде, правит всем и все создал; он непреложен, бесконечен, не имеет частей; могущество его - его воля и т.д.". Это не очень по-философски, но заимствовано это из самой достойной теологии.

* "Commentarium rerum gallicarum" ("Комментарий к делам галльским". Примеч. переводчика), lib. XXVIII. - Примеч. Вольтера.

** "Человек ученый, но истинный атеист" (лат.) - Примеч. переводчика.

*** может ли химера жужжащая в пустоте, пожирать второстепенные послышки (лат.). - Примеч. переводчика.

Ванини претендовал на то, что он воскресил прекрасное мнение Платона, принятое и Аверроэсом¹¹ и гласящее, что Бог создал цепь существ от низших до высших, последнее звено которой скреплено с его вечным тронem; правда, эта идея более возвышенна, чем истинна, но она столь же далека от атеизма, как бытие от небытия.

Ванини путешествовал с целью дискутировать и составить себе состояние; но, к несчастью, диспуты - вещь, противопоказанная богатству: таким образом наживаешь себе столько же непримиримых врагов, сколько встречаешь на своем пути ученых или педантов, против которых ты выступаешь. Другой причины несчастья, постигшего Ванини, не существует: его горячность и неотесанность заслужили ему в ходе диспутов ненависть отдельных теологов; после ссоры с неким франконом, или франкони, этот последний, будучи другом его врагов, не замедлил объявить его атеистом, проповедующим атеизм.

Этот франкон, или франкони, имел жестокость, призвав на помощь нескольких свидетелей, поддержать свою версию на очной ставке. Оказавшись на скамье подсудимых и спрошенный о том, что он думает по поводу существования Бога, Ванини ответил, что он поклоняется, вполне в духе церкви, Богу, сущему в трех лицах. Подняв с земли соломинку, он добавил: "Достаточно этой безделицы, чтобы доказать существование Творца". Затем он произнес прекрасную речь о произрастании и движении, а также о необходимости верховного бытия, без коего не было бы ни того ни другого.

Председатель суда Граммон, бывший тогда в Тулузе, приводит эту речь в ныне совершенно забытой "Истории Франции"; и тот же Граммон в силу непостижимого предрассудка утверждает, будто Ванини говорил все это из тщеславия или страха, а не по внутреннему убеждению.

На чем могло быть основано столь легковесное и жестокое суждение председателя суда Граммона? Ведь ясно, что на основе ответа Ванини следовало бы снять с него обвинение в атеизме. Что же, однако, случилось? Этот злополучный чужеземный священник сунул также и в медицину: у него была найдена огромная живая жаба, хранимая им в сосуде с водой; после этого его не преминули обвинить в колдовстве. Было заявлено, что жаба для него - бог и предмет поклонения; многим местам из его книг было придано нечестивое значение - а ведь это нетрудно сделать, такая задача вполне банальна: его возражения были расценены как положительные ответы, некоторые двусмысленные фразы подверглись коварной интерпретации, вполне невинным выражениям был придан ядовитый смысл. В конце концов теснившая его группировка вырвала у судей постановление, осуждавшее этого несчастного на смертную казнь. Чтобы оправдать такое решение, надо было серьезно обвинить этого злополучного человека в самых его ужасных грехах. Низкий - трижды низкий Мерсенн¹² простер свой бред до того, что опубликовал заявление, будто Ванини отправился из Неаполя с двенадцатью своими апостолами с целью обратить все народы в атеизм. И как бедный священник мог содержать на свои средства двенадцать мужчин? Как мог убедить дюжину неаполитанцев путешествовать с большими издержками для того, чтобы распространять всюду это возмутительное учение ценой своей жизни? Любому королю не достало бы могущества для того, чтобы содержать двенадцать проповедников атеизма! Никто до отца Мерсенна не выдвигал столь чудовищно нелепого обвинения. Но после него все стали это твердить, засорять этим материалом журналы и исторические словари; мир, падкий до необычного, без расследования уверовал в этот миф.

Сам Бейль в своих "Различных мыслях" говорит о Ванини как об атеисте; он пользуется этим примером, чтобы подкрепить свой парадокс о возможности существования общества атеистов; он уверяет, что Ванини был человеком очень умеренных нравов и что он стал жертвой своих философских убеждений. Но он одинаково ошибается по этим обоим пунктам. Священник Ванини сообщает нам в своих "Диалогах", написанных в подражание Эразму, что у него была любовница, по имени Изабелла. Ему была свойственна вольность как в сочинениях, так и в поступках, однако он не был атеистом.

Через столетие после его кончины ученый Лагроз и человек, принявший псевдоним Филалета, вознамерились его оправдать, но, так как никого не интересовала память несчастного неаполитанца, вдобавок скверного писателя, почти никто не стал читать эти апологии.

Иезуит Гардуэн, более ученый, чем Гарасс, но не менее безрассудный, обвиняет в атеизме в своей книге, озаглавленной *Athei detecti**, Декарта, Арно, Паскаля, Николя¹³, Мальбранша; по счастью, на их долю не выпал жребий Ванини.

*)- "Разоблаченные атеисты" (лат.). -- Примеч. переводчика.

Раздел IV

Скажем несколько слов по поводу нравственного вопроса, поднятого Бейлем, а именно по поводу того, может ли существовать общество атеистов. Прежде всего, заметим, что у участников этого спора заметны огромные противоречия: те, кто ополчился против мнения Бейля, кто с громкой бранью отрицал утверждаемую им возможность атеистического общества, в дальнейшем с той же неустрашимостью утверждали, будто атеизм – религия китайского правительства.

Разумеется, они очень ошибались насчет последнего; стоило им только почитать эдикты императоров этой обширной страны, и они увидели бы, что эти эдикты представляют собой проповеди, в коих повсюду упоминается верховное существо – правящее, отмщающее и воздающее.

Но одновременно они не меньше ошибались относительно немости общества атеистов; не знаю, каким образом г-н Бейль мог забыть разительный пример, способный сделать его победителем в этом споре.

В чем усматривают немистиость общества атеистов? Да в том, что считают людей, не имеющих узды, неспособными к сосуществованию; в том, что законы бессильны против тайных преступлений; наконец, в том, что необходим бог-мститель, который карал бы на этом или на том свете злодеев, ускользнувших от человеческого правосудия.

Законы Моисея – это верно – не провозглашали существования загробной жизни, не угрожали наказаниями после кончины, не учили древних иудеев бессмертию души; но иудеи, кои далеки были от атеизма и от веры в избавление от божьей кары, были самыми религиозными из людей. Они не только верили в бытие вечного Бога, но считали также, что он постоянно находится среди них; они трепетали от страха наказания для себя, своих жен и детей и своего потомства вплоть до четвертого поколения; узда эта была весьма мощной.

Однако среди язычников многие секты вовсе не имели узды: скептики сомневались во всем; академики воздерживались от суждения по любому поводу; эпикурейцы были уверены, что божество не может вмешиваться в дела людей, да и, по существу, они не допускали никакого божества. Они были убеждены, что душа – не субстанция, но способность, рождающаяся и гибнущая вместе с телом; таким образом, у них не было иной узды, кроме морали и чести. Римские сенаторы и всадники были настоящими атеистами, так как боги не существовали для людей, которые ничего от них не ждали и ни в чем их не страшилось. Во времена Цезаря и Цицерона римский сенат был действительно сборищем атеистов.

Цицерон -- этот великий оратор -- в своей речи в защиту Клуенция бросил всему сенату: "Какое зло принесла ему смерть? Мы отбрасываем здесь все нелепые сказки о преисподней; чего же, в самом деле, лишила его кончина? Ничего, кроме чувства страдания"**.

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org

Цезарь, будучи другом Каталины и желая спасти жизнь своего друга вопреки тому же самому Цицерону, возражает последнему, что казнить преступника вовсе не означает его наказать, ибо смерть -- ничто: это всего лишь конец наших бед, момент скорее счастливый, чем роковой. А разве Цицерон и весь сенат не сдались на этот довод? Победители и законодатели нашей вселенной явно составляли общество людей, ничего не опасавшихся со стороны богов и бывших очевидными атеистами.

* Т.е. Оппиниаку, отчиму Клуенция, в убийстве которого обвиняли этого последнего. -Примеч. переводчика.

** Вольтер свободно перелагает здесь отрывок речи Цицерона в защиту Авла Клуенция Габита, XI, 169.-Примеч. переводчика.

Далее Бейль исследует, не является ли идолопоклонство более опасным, чем атеизм, и большее ли это преступление -- совсем не верить в божество, нежели иметь о нем недостойные понятия. В этом вопросе он сторонник Плутарха: он полагает, что лучше не иметь никакого мнения чем дурное, однако -- пусть Плутарх на это не обижается -- для греков явно было неизмеримо лучше страшиться Цереры, Нептуна и Юпитера, чем не страшиться ничего. Ясно, что святость клятв необходима, и надо скорей доверяться тем, кто боится кары за ложную клятву, чем тем, кто считает, будто может ее давать вполне безнаказанно. Несомненно, в цивилизованном городе бесконечно полезнее иметь религию, даже скверную, чем не иметь ее вовсе.

Представляется все же, что Бейль должен был скорее исследовать, что более опасно -- фанатизм или атеизм. Разумеется, фанатизм тысяче-крат губительнее, ибо атеизм вообще не внушает кровавых страстей, фанатизм же их провоцирует; атеизм не противостоит преступлениям, но фанатизм их вызывает. Допустим вместе с автором "Commentarium rerum gallicarum", что канцлер Л'Опиталь был атеистом; законы, им издаваемые, не назовешь иначе как мудрыми: он рекомендовал умеренность и согласие; фанатики же затеяли избиение в ночь святого Варфоломея. Гоббс слыл атеистом, но он вел безмятежную и невинную жизнь, а современные ему фанатики заливали кровью Англию, Шотландию и Ирландию. Спиноза не только был атеистом, но и учил атеизму; однако ведь, несомненно, не он принимал участие в юридическом убийстве Барнвельдта; это не он разорвал на куски обоих братьев де Витт и съел их поджаренными на жаровне.

Атеисты -- большей частью смелые и заблуждающиеся ученые, плохо рассуждающие: не понимая акт творения, происхождение зла и другие трудные вопросы, они прибегают к гипотезе необходимости и извечности вещей.

Люди тщеславные и сластолюбивые вообще не имеют времени для рассуждения и следования скверной системе: у них иные заботы, они не сравнивают между собой Лукреция и Сократа. Так идут среди нас дела.

Но не так обстояло дело в римском сенате, почти целиком состоявшем из принципиальных и практических атеистов, иначе говоря, из людей, не веривших ни в Провидение, ни в загробную жизнь; сенат этот был собранием философов, сладострастных и горделивых, весьма опасных (такими они были все без исключения) и погубивших республику. При императорах продолжал процветать эпикуреизм; сенатские атеисты были мятежниками во времена Суллы и Цезаря; при Августе и Тиберии они были безбожниками-рабами.

Я бы не хотел иметь дело с государем-атеистом, заинтересованным в том, чтобы истолочь меня в ступе: уверен, что в этом случае меня стерли бы в порошок. Я не хотел бы также, если бы я сам был сувереном, иметь дело с придворными-атеистами, заинтересованными в том, чтобы меня отравить: мне нужно было бы тогда на всякий случай каждый день принимать противоядие. А, следовательно, абсолютно необходимо и для государей, и для народов чтобы идея верховного Существа, Творца, управителя, воздающего и карающего, была запечатлена глубоко в умах.

Бейль в своих "Мыслях о кометах" пишет, что есть народы-атеисты. Кафры, готтентоты, топинамбы и многие другие малые нации совсем не имеют бога: они не признают его и не отвергают; они просто никогда ничего о нем не слышали. Скажите им, что есть Бог -- они легко в это поверят; но скажите им, что все вершится природой вещей, -- они поверят вам также. Утверждать, будто они атеисты, то же самое, что обвинять их в антикартезианстве: ведь они ни за, и ни против Декарта. Они настоящие дети: ребенок не бывает ни атеистом, ни деистом -- он вообще никто.

Какой же вывод сделаем мы из всего этого? Да тот, что атеизм – весьма опасное чудовище, когда оно находится в тех, кто стоит у власти; он опасен и в кабинетных ученых, пусть даже жизнь их вполне невинна, ибо из их кабинетов они могут пробиться к должностным лицам; и если атеизм не столь губителен, как фанатизм, он все-таки почти всегда оказывается роковым для добродетели. Отметим особенно, что ныне меньше атеистов, чем когда бы то ни было, после того как философы признали, что ни одно существо не развивается без зародыша, что не существует зародыша без замысла и т.д., а также что зерно не возникает из гнили.

Геометры, не являющиеся философами, отвергли конечные причины, но истинные философы их допускают; и, как сказал один известный автор, учитель катехизиса проповедует Бога детям, Ньютон же доказывает его бытие мудрецам.

Если атеисты существуют, то о ком стоит здесь говорить, если не о продажных тиранах наших душ, вызывающих у нас отвращение своими обманами, заставляющих некоторые слабые умы отрицать Бога, коего эти монстры бесчестят? И сколько раз эти кровопийцы народа доводили угнетенных граждан до возмущения против своего короля!

Люди, отягощенные нашей телесной субстанцией, нам кричат: "Будьте уверены, ослица действительно говорила! Верьте, что рыба проглотила человека и доставила его через три дня на берег здоровым и невредимым. Не сомневайтесь в том, что БОГ вселенной повелел одному иудейскому пророку жрать дерьмо (Иезекииль), а другому – купить двух потаскух и родить от них детей блуда (Осия). Верьте в сотни вещей, либо явно омерзительных, либо математически невозможных; в противном случае сострадательный Бог бросит вас в адский костер на срок не в миллион миллиардов веков, но на целую вечность – будете ли вы при этом обладать телом или же нет".

Эти непостижимые глупости возмущают слабые и легковесные умы так же как и умы крепкие и мудрые. Они говорят: наши учителя рисуют нам Бога самым неразумным и грубым из всех существ, следовательно, Бога не существует. Однако следовало бы сказать: итак, наши учителя приписывают Богу свои собственные нелепости и жестокости, а значит, БОГ прямо противоположен этому изображению; он настолько же мудр и благ, насколько они рисуют его безумным и злым. Так объясняют вопрос мудрецы. Но если их услышит какой-то фанатик, он донесет на них чину церковной полиции, и этот чиновник бросит их на костер, полагая при этом, что он отмщает божественное величие и ему подражает, в то время как на самом деле он наносит ему оскорбление.

БОГ, БОГИ

Раздел первый

Мы вынуждены очень часто предупреждать, что "Словарь" этот создан вовсе не для того, чтобы повторять и твердить то, что было уже сказано многими другими.

Знание Бога вовсе не запечатлено в наших умах рукой природы, ибо в этом случае все люди обладали бы одним и тем же о нем представлением, а ведь ни одна идея не рождается вместе с нами. Идея вовсе не приходит к нам, как восприятия света, облика Земли и т.д., получаемые нами с того момента, как раскрываются наши глаза и наше сознание. Но философская ли это идея? Нет. Люди допустили существование богов до того, как среди них появились философы.

Откуда, однако, взялась эта идея? Она вытекает из чувства и той естественной логики, что развивается с годами у самых простых людей. Люди наблюдают поразительные эффекты природы, урожаи и бесплодие, ясные дни и непогоду, благодеяния и бедствия и чувствуют за всем этим господина. Для управления обществами требовались вожди, а потому возникла необходимость допустить существование хозяев этих новых хозяев, коих создала себе людская слабость, – существ, чье могущество заставляло бы трепетать людей, способных угнетать своих ближних. Первые суверены, в свою очередь, использовали эти понятия для укрепления своей власти. В том-то и заключались первые шаги, и потому-то любое небольшое общество имело своего бога. Понятия эти были грубыми, ибо грубым тогда было все. Весьма естественно рассуждать методом аналогии. Общество, руководимое вождем, не могло отрицать существование у соседней народности своего судьи и руководителя, а следовательно, оно не могло отрицать существование у этой народности своего бога. Однако поскольку каждая народность была заинтересована в

том, чтобы ее вождь был самым лучшим, ей было также важно верить, и она верила, что ее бог -- самый могущественный. Отсюда берут свое происхождение все эти древние мифы, длительное время повсеместно распространенные и повествующие о том, как боги одного народа сражались против бога другого. Отсюда же и те места в еврейских книгах, которые ежесекундно обнаруживают распространенное среди иудеев мнение, что боги их врагов существуют, но Бог иудеев -- сильнее их.

Между тем, в больших государствах появились священники, маги, философы, ибо усовершенствованное общество могло уже там выделять из себя праздных людей, занятых умозрениями.

Некоторые из этих людей изошрили свой разум до возможности тайного признания единого и всеобщего Бога. Так, хотя среди древних египтян почитался Озири, Озирис или, точнее, Озирет (что означает: земля эта -- для меня) и хотя египтяне почитали и другие высшие существа, тем не менее они допускали верховное божество, именовавшееся ими Кнеф, символом которого была сфера на фронтисписе храма.

По этому образцу греки имели своего Зевса (Юпитера), господина других богов, бывших не чем иным, как ангелами вавилонян и евреев и святыми христиан римского сообщества.

Может ли множество равноправных по своему могуществу богов существовать одновременно? Вопрос этот более щекотливый, чем обычно думают, причем он весьма мало изучен.

У нас нет никакого адекватного понятия о божестве, мы можем только переходить от предположения к предположению, от правдоподобия к вероятности. Нечто существует, а значит, нечто существует извечно, ибо ничто не возникает из ничего. Это достоверная истина, на которой успокаивается ваш ум. Любое творение, указующее нам на средства и цель, указывает тем самым и на творца, а значит, наша вселенная, состоящая из пружин, из средств, каждое из которых направлено на свою цель, обнаруживает очень могущественного и разумного мастера. Вероятность эта приближается к максимальной уверенности; однако бесконечен ли этот верховный мастер? Всюду ли он или лишь в одном месте? И как ответить на этот вопрос с нашим ограниченным интеллектом и слабыми познаниями?

Один только мой разум доказывает мне присутствие Существа, организовавшего материю этого мира; но разум мой бессилён доказать мне, что Существо это создало эту материю, что оно извлекло ее из небытия. Все мудрецы древности без какого бы то ни было исключения считали материю вечной и существующей самой по себе. Все, что я могу сделать, не прибегая к помощи высшего разума, -- верить, что Бог этого мира также вечен и существует сам по себе. Бог и материя существуют в силу природы вещей. А другие боги, как и другие миры, могли бы существовать? Целые народы и весьма просвещенные философские школы вполне допускали двух богов только в нашем мире: одного, являющегося источником блага, и другого -- источник зла. Они допускали нескончаемую борьбу между двумя равными силами. Но, конечно, природа скорее может вынести наличие в необъятном пространстве многих независимых существ -- абсолютных хозяев в своем, принадлежащем каждому из них, пространстве, нежели двух ограниченных и бессильных богов в этом мире, из коих один не в состоянии творить благо, а другой -- зло.

Если Бог и материя существуют извечно, как это полагали в античности, то перед нами здесь два необходимых бытия; но если есть два необходимых бытия, то их может быть и тридцать. Одни только эти сомнения, являющиеся зародышем бесконечного числа размышлений, должны, по меньшей мере, убедить нас в слабости нашего разума. Нам надлежит вместе с Цицероном признать свое невежество в вопросе природы божества. Ведь мы никогда здесь не узнаем более того, чем знал он.

Схоласты могут сколько угодно твердить нам, что Бог бесконечен негативно, а не привативно, *formaliter et non materialiter** ; что он -- первый, средний и последний акт; что он -- повсюду, не будучи ни в каком определенном месте, -- сто страниц комментариев к подобным определениям не могут нас ничуть просветить. Мы не располагаем ни ступенькой, ни точкой опоры, которые помогли бы нам подняться до подобных познаний. Мы чувствуем, что над нами простерта длань незримого Существа, но это и все, и мы не способны сделать ни шага за эти пределы. Безрассудная дерзость -- хотеть разгадать сущность этого Существа, понять,

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
протяженно оно или нет, каким образом оно существует и как оно функционирует.

Раздел второй

я всегда боюсь впасть в заблуждение; однако все памятники говорят мне с очевидностью о том, что древние цивилизованные народы признавали верховное божество. Нет ни одной книги, медали, барельефа или надписи, где о Юноне, Минерве, Нептуне, Марсе и о других богах говорилось бы как о созидających существах, творцах природы. Напротив, древнейшие дошедшие до нас светские книги – Гесиод и Гомер – изображают своего Зевса как единственного громовержца, единственного господина богов и людей; ему дозволено даже карать других богов: он сковывает Юнону цепями, изгоняет Аполлона из небесных пределов.

Древняя религия брахманов -- первая, допустившая сотворенные небесные существа, и первая, повествовавшая об их мятеже, – изъясняется в высоком стиле по поводу единственности и могущества Бога, как мы уже это видели в статье "Ангел".

*)- "формально, а не материально" (лат.). – Примеч. переводчика.

Китайцы, несмотря на глубочайшую древность этого народа, появились после индийцев; они с незапамятных времен признавали одно-единственное божество; у них не было никаких подчиненных богов, никаких оракулов и абстрактных догм и никаких теологических диспутов среди образованных людей; первым священнослужителем был всегда император, религия же была величественна и проста; именно поэтому сия обширнейшая империя, хоть и подпадавшая дважды под чужеземное иго, постоянно сохраняет свою целостность; она подчинила своих завоевателей своим законам, и вопреки преступлениям и бедам, присущим человеческому роду, она до сих пор является самым процветающим государством в мире.

Халдейские маги, сабеи, признавали одно лишь верховное божество и поклонялись ему в лице звезд – его творений.

Персы поклонялись божеству в лице Солнца. Сфера, помещающаяся на фронтисписе храма в Мемфисе, служила эмблемой единого и совершенного бога, именовавшегося египтянами Кнефом.

Римляне всегда прилагали титул *Deus optimus maximus** к имени одного лишь Юпитера:

*Nominum sator atque deorum***

Не будет чрезмерно частым напоминание об этой истине, кою мы подчеркиваем и в ряде других мест.

Такое почитание верховного бога установилось со времен Ромула и вплоть до полного упадка империи и ее религии. Вопреки всем глупостям народа, поклонявшегося второстепенным, смешным богам, вопреки эпикурейцам, по существу не признававшим никаких богов, доказано, что римские магистраты и мудрецы во все времена почитали лишь одного верховного бога.

Из большого количества свидетельств, оставленных нам в подтверждение этой истины, я бы выбрал прежде всего показания Максима Тирского, процветавшего при Антонинах – этих образцах истинного благочестия, ибо оно проистекало у них от гуманности. Вот его слова, читаемые в речи, озаглавленной "О боге согласно Платону". Читатель, желающий просветиться, пусть будет добр, как следует их взвесить:

"Люди имели слабость придать богу человеческий облик, ибо кроме такого обличья они ничего не видели; смешно, однако, воображать вместе с Гомером, будто Юпитер, или верховное божество, имеет черные брови и золотистые волосы и будто он не может ими повести и встряхнуть, не взбаламутив все небо.

* "Бог все милостивейший" (лат.). – Примеч. переводчика.

"Сеятель богов и человеков" (лат.; Вергилий. Энеида, I, 258; XI, 725). – Перевод наш.

Когда людей вопрошают по поводу природы божества, ответы их бывают самыми

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
различными. Тем не менее посреди этого громадного многообразия мнений вы обнаружите соображение, одинаковое для всего мира, а именно что существует лишь один бог, всеобщий отец, и т.д."

Что станется после этого четкого признания и после бессмертных речей Цицерона, Антонинов и Эпиктета – что станется, говорю я, с декламациями, без конца твердимыми и сегодня столькими невежественными педантами? На что сгодятся эти вечные попреки в грубом политеизме и ребяческом идолопоклонстве, если не для того, чтобы убедить нас, что люди, настаивающие на этом, не имеют ни малейшего понятия о разумной античности? Ведь они просто спутали фантазии Гомера с учением мудрецов.

Надобно ли приводить более сильные и выразительные свидетельства? Вы найдете их в письме Максима из Мадоры к святому Августину. Оба они были философами и ораторами, по крайней мере они этим похвалялись; они вели между собой откровенную переписку и были друзьями настолько, насколько ими могут быть человек, приверженный к древней религии, и тот, кто исповедует новую.

Прочтите письмо Максима из Мадоры и ответ епископа Гиппонского¹⁴.

ПИСЬМО МАКСИМА ИЗ МАДОРЫ

"Однако кто настолько ограничен и туп, чтобы сомневаться, что существует верховный Бог, не имеющий начала, который, не породив ничего, подобного себе, является тем не менее общим отцом всего?"

Могущество именно такого Бога мы чтим под различными именами во всех частях света. Так, почитая раздельным образом, через различные культы то, что является как бы отдельными его членами, мы чтим его целокупно... Пусть они сохраняют для вас этих подчиненных богов, под чьими именами и в чьем лице все мы, сколько нас есть на Земле смертных людей, поклоняемся общему отцу богов и людей, действительно, при помощи многообразных обрядов, но эти боги во всем их многообразии между собой согласуются и тяготеют к одной и той же цели!"

И кто же был автором такого письма? Нумидиец, человек из Алжира.

ОТВЕТ АВГУСТИНА

"На вашей городской площади стоят две статуи Марса, одна – обнаженная, другая – во всеоружии, а рядом – фигура человека, держащего в трех пальцах, вытянутых в направлении статуи Марса, узду, накинутую на это злополучное для всего города божество... По поводу того, что вы пишете мне, а именно что подобные боги являются как бы членами единственно истинного Бога, я хочу предупредить вас со всей откровенностью, что вы позволяете мне принять все меры предосторожности, дабы не впасть в подобные святотатственные шутки: тот единственный Бог, о котором вы говорите, несомненно, признан всем светом, и в отношении него невежды бывают согласны с людьми учеными, как об этом писали некоторые из древних. Но скажете ли вы, что тот, чья мощь – чтобы не сказать "жестокость" – подавляется фигурой мертвого человека, является членом этого Бога? Мне было бы нетрудно сбить вас с вашей позиции в этом вопросе, ибо вы отлично видите, что можно возразить на сказанное здесь вами; однако я воздержусь от этого из опасения, как бы вы не сказали, что я пускаю против вас в ход не столько оружие истины, сколько риторики".

Мы не знаем, что именно выражали те две статуи, от которых не сохранилось даже следа; однако все статуи, наводнявшие Рим, сам Пантеон и храмы, посвященные всем второстепенным божествам и даже двенадцати великим богам, никогда не опровергнут того, что Deus optimus maximus (Бог милостивейший, величайший) был признан во всей империи.

Беда римлян заключалась в том, что они были незнакомы с законом Моисея, а позднее – с законом учеников нашего Спасителя Иисуса Христа, в том, что они не имели веры и смешивали с культом верховного божества культы Марса, Венеры, Минервы, Аполлона – богов, коих не существовало, а также в том, что они сохранили такую религию вплоть до века Феодосия. По счастью, готы, гунны, вандалы, герулы, ломбарды и франки, разрушившие эту империю, подчинились истине и воспользовались счастьем, в котором было отказано Сципиону, Катону, Метеллу, Эмилию, Цицерону, Варрону, Вергилию и Горацию*.

Все эти великие люди не знали Иисуса Христа, да и не могли его знать; но они вовсе не поклонялись дьяволу, как это каждодневно твердят педанты. И как могли они поклоняться дьяволу, о котором они никогда ничего не слыхивали?

* Смотри статьи "Идол", "Идолопоклонник", "Идолопоклонство". - Примеч. Вольтера.

** Предисловие к части II тома II "Законодательства Моисея", с. 91. (Он же).

О КЛЕВЕТЕ УОРБУРТОНА¹⁵,

НАПРАВЛЕННОЙ ПРОТИВ ЦИЦЕРОНА

ПО ПОВОДУ ВЕРХОВНОГО БОЖЕСТВА

Уорбуртон оклеветал Цицерона и Древний Рим**, а заодно и своих современников. Он дерзко предположил, будто Цицерон произнес в своей речи в защиту флакка следующие слова: "Недостойно величия империи почитать одного бога. - *Majestatem imperii pop decuit ut unus tantum Deus colatur*".

Но кто же ему поверит? В речи за флакка нет об этом ни единого слова, равно как и во всех остальных сочинениях Цицерона. Дело идет там о некоторых притеснениях, в которых обвиняли флакка, занимавшего должность претора в Малой Азии. Его тайно преследовали иудеи, коими в те времена был наводнен Рим; силой денег они добились для себя привилегий в Риме в то самое время, когда Помпеи вслед за Крассом, взяв Иерусалим, велел повесить их царька Александра, сына Аристовула. В свою защиту флакк указывал, что в Иерусалим переправлялись золотые и серебряные монеты, а оттуда возвращались поддельные деньги, отчего страдала торговля; поэтому он приказал арестовать золото, незаконно туда поступавшее. Золото это, указывал Цицерон, до сих пор хранится в казне, а потому флакк действовал столь же бескорыстно, как и Помпеи.

Далее Цицерон в свойственной ему иронической манере заявляет: "Каждая страна имеет свою религию; у нас есть своя. Когда Иерусалим был еще свободен и иудеи были замиренны, эти иудеи тем не менее питали ненависть к блеску нашей империи, к достоинству римского имени и к институтам наших предков. Ныне же эта нация более чем когда бы то ни было показала силой своего оружия, какое мнение она должна иметь в отношении Римской империи. Своей доблестью она нам продемонстрировала, насколько дорога она бессмертным богам: она доказала нам это, оказавшись разбитой, рассеянной, обложенной данью. -- *Sua cuique civitati religio est; nostra nobis. Stantibus hierosolymis, pacatisque Judaeis, tamen istorum religio sacrorum, a splen-dore huius imperii, gravitate nominis nostri, majorum institutis abhorrebat: nunc vero hoc magis, quod illa gens quid de imperio nostro sentiret, ostendit armis: quam cara diis immortalibus esset, docuit, quod est victa, quod elocata, quod servata*".

(Cic., *Oratio pro Flacco*, cap. XXVIII)*.

Это великая ложь, будто Цицерон или кто-то из римлян когда бы то ни было говорил, что величию их империи не подобает признавать единственное верховное божество. Их Юпитер, Зевс греков, Иегова финикийцев всегда рассматривались как владыки подчиненных богов; сия высокая истина не может быть повторяема чересчур часто.

* Цицерон. Речь в защиту флакка, гл. XXVIII. Вольтер здесь, как обычно, дает довольно свободный перевод на французский. Слова "*tamen istorum religio sacrorum... abhorrebat*" ("их религиозным святыням... был ненавистен") переданы у него просто: "эти иудеи... ненавидели". - Примеч. переводчика.

ВЗЯЛИ ЛИ РИМЛЯНЕ ВСЕХ СВОИХ БОГОВ ОТ ГРЕКОВ?

Не было ли у римлян много богов, не заимствованных ими у греков?

К примеру, они не могли быть плагиаторами, поклоняясь Небу-Соелум, в то время как греки поклонялись Небу-Ouranon, или зывая к Сатурну и богине Теллус*, в то время как греки адресовались к Кроносу и Гее.

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
Они называли Церерой богиню, именованную у греков Део и Де-метрой.

Римский Нептун у греков был Посейдоном, Венера – Афродитой, Юнона именовалась по-гречески Герой; их Прозерпина у греков была Корой; наконец, их любимец Марс греками именовался Аресом, а возлюбленная их Беллона – Энио. Среди этих имен нет ни одной сходной пары.

Встречались ли между собой образованные греки и римляне или, быть может, одни из них заимствовали у других предмет, давая ему другое имя?

Вполне естественно, что римляне, не советуясь с греками, создавали себе богов неба, времен года, а также существа, ведающие войной, плодородием, жатвой; они не обращались к грекам с просьбой одолжить им этих богов, как позднее те обратились к ним за сводом законов. Когда вам попадаетеся имя, не похожее ни на какое другое, представляется правильным считать это имя туземным.

Однако разве имя Юпитера, господина всех богов, не является словом, принадлежавшим всем народам – от Евфрата до Тибра? Имя это звучало у первых римлян как Иов, Йовис, у греков – Зевс, у финикийцев, сирийцев и египтян – Иегова.

Подобное сходство не может ли служить подтверждением того, что все эти народы имели представление о верховном существе? Правда, представление это смутное; но может ли какой-нибудь человек обладать здесь отчетливым знанием?

Раздел третий

ИССЛЕДОВАНИЕ [УЧЕНИЯ] СПИНОЗЫ

Спиноза не мог устоять против допущения разумного начала, действующего в материи и образующего с ней единое целое.

"Я должен заключить, – пишет он**, – что абсолютное бытие не представляет собой ни мысли, ни протяженности, исключаящих одна другую, но протяженность и мысль являются необходимыми атрибутами абсолютного Бытия".

* Tellus – богиня Земли у римлян. – Примеч. переводчика.

** С. 13 издания Полпенса. – Примеч. Вольтера.

Здесь, как кажется, он отличается от всех античных атеистов -- от Окелла Лукана¹⁶, Гераклита¹⁷, Демокрита, Левкиппа¹⁸, Стратона, Эпикура, Пифагора, Диагора, Зенона Элейского¹⁹, Анаксимандра²⁰ и многих других. Особенно он отличен от них своим методом, целиком почерпнутым из чтения Декарта, которому он подражал даже в стиле.

Но более всего толпу крикунов, восклицавших: "Спиноза! Спиноза!", однако никогда его не читавших, поразило его заявление, помещаемое нами ниже и сделанное им вовсе не для того, чтобы пустить пыль в глаза людям, не для того, чтобы усмирить теологов и снискать себе чье-то покровительство, и не для того, чтобы обезоружить противную партию: он говорит как философ, не называя себя и не афишируя; он изъясняется по-латыни, дабы его поняло весьма небольшое число людей. Вот его символ веры:

СИМВОЛ ВЕРЫ СПИНОЗЫ

"Если я заключаю также, что идея Бога, подразумеваемая под идеей бесконечности Вселенной*, освобождает меня от послушания, любви и культа, я еще более опасно злоупотреблю своим разумом: ведь мне ясно, что законы, обретенные мной не благодаря отношениям с другими людьми или их посредничеству, но непосредственно от Бога, – это законы, которые естественный светоч позволяет мне понять как истинных руководителей разумного поведения. Если бы в этом отношении мне не хватало покорности, я погрешил бы не только против принципа моего бытия и против общества мне подобных, но и против самого себя, ибо я лишил бы себя самого серьезного преимущества моего существования. Верно, что это повиновение распространяется лишь на обязанности, связанные с моим положением, все же остальное я здесь рассматриваю как пустые занятия, изобретенные либо педантическим суеверием, либо для пользы тех, кто их учредил.

*) С. 44. – Примеч. Вольтера.

Что касается любви к Богу, то эта идея никак не может ее ослабить, и я полагаю, что никакая иная идея не способна ее больше усилить, ибо она дает мне понять, что Бог глубоко присущ моему существу, а также, что он дает мне существование и все мои свойства; однако дает он мне их щедро, без страха и упрека и без того чтобы подчинять меня чему-либо иному, кроме моей природы. Идея эта изгоняет опасения, беспокойство, неверие и все погрешности пошлой или корыстной любви. Она дает мне почувствовать, что это – благо, которое я не должен утратить и коим я владею тем более, чем более я его познаю и люблю".

Кто написал эти слова – добродетельный и мягкий Фенелон или Спиноза? Каким образом два человека, столь противоположных друг другу, с их столь различными представлениями о Боге сумели протянуть друг другу руку в этой идее любви к Богу самому по себе? (смотрите "Любовь к Богу").

Надо признать это; оба они шли к одной цели, но один – в качестве христианина, другой – в качестве человека, имевшего несчастье не быть таковым: святой архиепископ был убежден, как философ, в том, что Бог отличен от природы; другой – очень заблуждающийся ученик Декарта – воображал, будто Бог – вся природа.

Первый из них был ортодоксом, второй ошибался – я должен это признать; однако оба они были искренни, оба заслуживали высокого уважения за свое чистосердечие, а также за простой и мягкий нрав, хотя в остальном нельзя говорить ни о каком отношении между подражателем Одиссеи и суховатым картезианцем, напичканным аргументами, между высокообразованным придворным Людовика XIV, облеченным тем, что именуют высоким саном, и бедным, отрекшимся от иудейства евреем, жившим на триста флоринов ренты* в глубочайшей неизвестности.

Если между ними и есть какое-то сходство, то лишь в том, что Фенелон был обвинен перед новозаветным синедрионом, Спиноза же – перед синагогой, безвластной и не имевшей для этого повода; первый из них покорился, второй восстал.

ОСНОВА ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Великий диалектик Бейль выступил против Спинозы**. Ведь система Спинозы не доказана столь же безупречно, как геометрическое положение Евклида²¹. Если бы это было так, ее трудно было бы опровергнуть. Но система эта, по меньшей мере, темна.

Я всегда до некоторой степени подозревал, что Спиноза под своей универсальной субстанцией, своими модусами и акциденциями разумел нечто иное, чем понимает под ними Бейль, а потому Бейль мог быть прав, хоть он и не опроверг Спинозу. Особенно я всегда считал, что Спиноза зачастую не понимал сам себя и это-то и есть главная причина того, что его не поняли другие.

* После его смерти по его счетам можно было увидеть, что он тратил иногда не более четырех с половиной су на свое дневное пропитание. Это не похоже на обеды монахов, собирающихся за церковной трапезой. – Примеч. Вольтера.

** См. статью "Спиноза" в Словаре Бейля. – Примеч. Вольтера.

Мне представляется, что цитадель спинозизма можно взять с той стороны, которой Бейль пренебрег. Спиноза считает, будто может существовать лишь одна-единственная субстанция; вся его книга, как кажется, свидетельствует о том, что он основывается на ошибочном положении Декарта о всеобщей заполненности пространства. Но ведь столь же неверно говорить о всеобщей заполненности, как и о всеобщей пустоте. Ныне доказано, что движение столь же немыслимо при абсолютной заполненности, сколь немыслимо, чтобы при полной сбалансированности груз в два фунта перетянул груз в четыре фунта.

Но если всякое движение абсолютно требует наличия пустого пространства, что станется с единой и единственной субстанцией Спинозы? Каким образом субстанция звезды, между которой и нами лежит столь огромное пустое пространство, окажется в точности тем же самым, что и субстанция нашей Земли, моя собственная субстанция* или субстанция мухи, пожираемой пауком?

Быть может, я заблуждаюсь, но я никогда не понимал, каким образом Спиноза, допуская бесконечную субстанцию, двумя атрибутами коей являются мысль и материя, допуская ту субстанцию, которую он именует Богом и чьим модусом или акциденцией является все то, что мы лицемерим, мог тем не менее отвергнуть конечные причины. Если это безграничное и универсальное бытие мыслит, каким образом может не быть у него замыслов? А если оно питает замыслы, как может не быть у него воли? Мы, говорит Спиноза, являемся модусами этого абсолютного, необходимого и безграничного бытия. Я же ему отвечаю: мы желаем, имеем замыслы, мы – простые модусы, а значит, это бесконечное бытие, необходимое и абсолютное, не может их не иметь; следовательно, оно обладает волей, замыслами и могуществом.

Я хорошо знаю, что многие философы, и особенно Лукреций, отрицали конечные причины; знаю я также и то, что Лукреций, хотя стиль его слабо отточен, тем не менее -- великий поэт в своих описаниях и своей морали; однако в философии он мне представляется -- признаюсь в этом -- стоящим намного ниже привратника коллежа или же приходского сторожа. Утверждать, будто ни глаз не создан для зрения, ни ухо – для слышания, ни желудок -- для переваривания пищи, – разве это не самая великая нелепость и возмутительная глупость, какая только могла прийти на ум человеку? Каким бы я ни был скептиком, подобное безумие представляется мне очевидным, и я это утверждаю.

Что до меня, то я усматриваю в природе, как и в искусстве, одни только конечные причины, и я полагаю, что яблоня создана для того, чтобы давать яблоки, подобно тому, как часы созданы для того, чтобы указывать время.

Должен здесь предупредить, что если Спиноза во многих местах своих сочинений издевается над конечными причинами, то он решительнее, чем кто бы то ни было, признает их в первой части "Бытия в общем и в частности".

Вот его слова:

"Пусть будет мне здесь позволено на мгновение остановиться* и выразить свое восхищение тем, как великолепно распорядилась природа, обогатившая организм человека всеми необходимыми приспособлениями, чтобы продлить до определенного предела его хрупкое существование и оживить его знание о себе самом знанием бесконечного числа далеких от него вещей; при этом, как кажется, она явно пренебрегла тем, чтобы дать ему средства для лучшего понимания вещей, из коих он должен делать более обычное употребление, и даже для лучшего понимания индивидов собственного своего вида. Тем не менее это скорее результат высшей щедрости, нежели отказа, ибо, если бы существовало какое-то разумное существо, способное проникнуть в сущность другого существа против его воли, оно могло бы обрести над этим последним такую власть, что в силу одного этого было бы исключено из общества. Вместо того каждый индивид, в настоящем своем состоянии довольствующийся самим собой с полной независимостью, общается с другими индивидами лишь настолько, насколько ему это удобно".

Какой же я сделаю отсюда вывод? Да тот, что Спиноза часто себе противоречит, что далеко не всегда он обладал четкими идеями, а также что из великого кораблекрушения систем он спасался то на одной дощечке, то на другой. Такой своей слабостью он напоминал Мальбранша, Арно, Боссюэ²² и Клода²³, иногда противоречивших самим себе в своих диспутах; он никак не отличался здесь от множества метафизиков и теологов.

Итак, я делаю вывод, что на достаточно веском основании я должен подвергнуть сомнению все мои метафизические идеи: я – очень слабое существо, бродящее по зыбучим пескам, постоянно подо мной осыпающимся, и, быть может, для такого существа нет ничего более глупого, чем всегда считать себя правым.

Вы очень туманны, Барух** Спиноза, однако так ли вы опасны, как говорят? Я утверждаю, что нет; доводом мне здесь служит именно то, что вы туманны, что писали вы на скверной латыни и что в Европе нет и десяти человек, которые бы, хотя вас и перевели на французский язык, прочли вас от корки до корки. Какой автор может считаться опасным? Тот, кого читают праздные придворные, а также дамы.

* Бейль не настаивал на этом аргументе потому, что не знал доказательств Ньютона, Кей-ля, Грегори, Галлея, гласящих, что для движения необходима пустота. – Примеч. Вольтера.

*С. 14. – Примеч. Вольтера.

** Он звался Барухом, а не Бенедиктом, ибо никогда не был крещен. Примеч. Вольтера.

Раздел IV

О "СИСТЕМЕ ПРИРОДЫ"

Автор "Системы природы" обладал тем преимуществом, что создал себе читателей в лице ученых, невежд и женщин. В стиле у него были достоинства, незнакомые Спинозе: часто он очень прозрачен, иногда отличается выразительностью, хотя ему и можно сделать упрек в том, что он повторяется, бывает высокопарен и противоречит себе, как и все другие. Во имя сути вещей от этих недостатков надо часто воздерживаться как в физике, так и в морали: речь ведь идет здесь об интересах человечества. Исследуем же, стараясь быть при этом сколь возможно краткими, истинна ли и полезна ли его доктрина.

"Порядка и беспорядка вообще не существует и т.д.!"*.

Как! В области физики слепорожденный или лишенный нижних конечностей ребенок, монстр, не противоречит природе вида? Разве обычная правильность природы не создает порядка, а неправильность не являет ли собой, наоборот, беспорядок? Не будет ли это огромным расстройством, гибельным беспорядком, если природа дает ребенку чувство голода, но запирает его пищевод? Регулярные очищения необходимы любому виду, но часто бывает, что протоки не имеют отверстий, – это требует вмешательства медицины; у подобного беспорядка, несомненно, существует своя причина. Нет следствий без причин, но в данном случае мы имеем дело с весьма беспорядочным следствием.

Не является ли убийство друга или своего брата ужасающим беспорядком в морали? Выпады и клеветы различных Гарассов, Ле Телье²⁴, Дусенов против янсенистов и янсенистов – против иезуитов, обман Патуйэ и Полиана разве не представляют собой маленьких беспорядков? Варфоломеевская ночь, убийства в Ирландии и т.д., и т.д., и т.п. – разве это не омерзительные нарушения? Преступление сие коренится в разгуле страстей, но следствие этой причины мерзко, а причина фатальна; подобное нарушение вызывает содрогание. Остается вскрыть, если это возможно, истоки подобного беспорядка, но беспорядок этот, разумеется, существует.

"Опыт показывает, что материи, рассматриваемые нами как инертные и мертвые, вступая в определенные сочетания, обретают действие, разумение и жизнь"***.

Но именно в этом–то и вся сложность. Каким путем зерно переходит к жизни? Ни автор, ни читатель в этом ничего не понимают. Поэтому–то "Система" и разрослась в два тома; да и не являются ли пустыми грезами все системы мира без исключения?

* Часть первая, с. 60. – Примеч. Вольтера.

* * С. 69. – Примеч. Вольтера.

"Следовало бы дать определение жизни, но именно это я считаю невыносимым"***.

Однако разве такое определение не достаточно легко и избито? Разве жизнь не является формированием, коему присуще чувство? Но то, что вы считаете эти два свойства движения присущими только материи, – именно это доказать невозможно; а если невозможно это доказать, зачем это утверждать? Зачем громогласно заявлять: я знаю, когда про себя мы говорим: я не ведаю?

"Меня спросят, что такое человек, и т.д."***.

Параграф этот явно не более ясен, чем самые темные разделы сочинений Спинозы, и многие читатели испытывают чувство негодования из-за решительного тона, принятого здесь автором, но тем не менее ничего не объясняющего.

"Материя вечна и необходима; но формы ее и комбинации преходящи и случайны и т.д."****.

Трудно понять, каким образом материя, будучи необходимой, при том, что не существует, согласно автору, никакого свободного бытия, тем не менее содержит в себе нечто случайное. Под случайным подразумевается то, что может быть и не быть, но перед лицом абсолютной необходимости все, любой способ бытия, неудачно именуемый здесь автором случайным, обладает той же абсолютной необходимостью, что и само бытие. Мы здесь вновь попадаем в лабиринт, из которого нет выхода.

Когда осмеливаются утверждать, будто не существует Бога, будто материя действует сама по себе, в силу вечной необходимости, сие следует доказывать с такой же точностью, как Евклидову теорему: без этого вся ваша система будет основана на вероятности. Но разве то достаточный фундамент для предмета, более всего интересующего человеческого род?!

"Если человек по своей природе вынужден любить собственное благополучие, то он вынужден любить и направленные на это благополучие средства. Было бы бесполезным и, быть может, несправедливым требовать от человека добродетели, если он не может стать добродетельным, не делая себя несчастным. С того момента, как порок делает его счастливым, он неминуемо возлюбит порок"****.

Максима эта также омерзительна в области морали, как другие максимы нашего автора ложны в области физики. Если бы оказалось истинным, что какой-то человек не может достигнуть счастья, не страдая, надо было бы ободрять его и поощрять к достижению этого счастья.

* С. 78 (Он же).

** С. 80(Он же).

*** С. 82 (Он же).

**** С. 152 – Примеч. Вольтера.

Положение автора с очевидностью может служить развалу общества. Впрочем, откуда берется представление, что нельзя быть счастливым, не имея пороков? Не доказано ли, напротив, опытом, что удовлетворение от обуздания пороков в сотни раз превышает удовольствие подпасть под их власть? И что это за удовольствие – вечно отравленное, ведущее к злополучию? Подавляя свои пороки, мы достигаем спокойствия, утешительного свидетельства собственной совести; отдаваясь порокам, мы утрачиваем покой и здоровье, рискуем всем. Да и сам наш автор в двух десятках мест выражает пожелание, чтобы мы жертвовали всем во имя добродетели; при этом он выдвигает данное положение лишь для того, чтобы дать в своей системе лишнее доказательство необходимости быть порядочным человеком.

"Люди, отвергающие столь основательно врожденные идеи... должны были бы чувствовать, что неизреченный интеллект, помещаемый у кормила мира, существования и качеств которого не в состоянии установить наши чувства, представляет собой разумное бытие"*.

В самом деле, каким образом из факта отсутствия у нас врожденных идей может следовать небытие Бога? Не абсурдно ли подобное заключение? И будет ли это каким-то противоречием – говорить, что Бог дает нам идеи через посредство наших чувств? Не является ли, наоборот, в высшей степени очевидным следующее: если существует всемогущее Существо, дарующее нам жизнь, то ему же мы обязаны нашими идеями, нашими чувствами, как и всем прочим? Раньше следовало бы доказать, что Бога не существует, но именно этого-то автор и не сделал; именно этого он и не попытался сделать вплоть до указанной здесь страницы главы X.

Опасаясь утомить читателей исследованием всех этих разрозненных отрывков, я перехожу к основе книги нашего автора и к той поразительной ошибке, на которой он построил свою систему. Я должен полностью повторить здесь то, о чем писал уже раньше в других местах.

ИСТОРИЯ УГОРЬКОВ,

НА СУЩЕСТВОВАНИИ КОТОРЫХ ОСНОВАНА ДАННАЯ СИСТЕМА

Во Франции около 1750 года жил некий английский иезуит, по имени Нидгем,

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
обряженный в мирскую одежду и служивший тогда наставником племянника г-на Диллона, архиепископа Тулузы. Человек этот ставил 'физические, и особенно химические, опыты.

Насыпав в бутылки муку, добытую из пораженной спорыньей ржи, и хорошенько заткнув эти бутылки, в которых был также добавлен бараний соус, вываренный в других бутылках, он затем сделал вывод, что этот бараний соус и ржаная мука породили угорьков, тотчас же породивших следующее поколение, и таким образом, порода "угрей" безразлично рождается и из бараньего сока, и из ржаного зерна.

Натуралист, пользующийся доброй славой, не усомнился в том, что этот Нидгем - атеист до мозга костей. Он сделал вывод: раз можно создавать угорьков из ржаной муки, значит, можно также из пшеничной муки делать людей; он посчитал, что все - дело рук химии и природы и что доказано, таким образом, будто возможно обойтись без Бога - Творца вселенной.

Подобное свойство муки легко ввело в заблуждение человека* (* Мопертюи. - Примеч. Вольтера.) , по несчастью обуюнного в то время идеями, способными заставить трепетать за человеческий разум и его слабость. Он вознамерился, во-первых, прорыть отверстие вплоть до центра Земли, дабы увидеть срединный ее огонь, затем - анатомировать патагонцев, дабы познать природу души, далее - пропитать кожу больных древесной смолой, дабы воспрепятствовать выпотам, и, наконец, привести свою душу в экстаз, дабы предрекать будущее. Если добавить, что его снадало еще более несчастное намерение - загнать в угол своих двух собратьев, то это вовсе не принесет чести атеизму и послужит лишь нашему замешательству и уходу в самих себя.

Весьма необычно, что люди, отрицая Творца, приписали себе способность порождать угорьков.

Самое печальное здесь, что наиболее образованные натуралисты приняли смехотворную систему иезуита Нидгема, связав ее с системой Майе, утверждавшего, будто океан образовал Пиренеи и Альпы и люди изначально были морскими свиньями, чей раздвоенный хвост перешел в ходе времени в ляжки и голени, как мы уже говорили об этом раньше. Подобные фантазии могут быть помещены рядом с угорьками, рожденными мукой.

Недавно распространился слух, будто в Брюсселе курица зачала от кролика с полдюжины крольчат.

Подлинная смехотворность и лживость преобразования муки и бараньего сока в угорьков все же были выявлены: сделал это г-н Спаллан-цани несколько лучший наблюдатель, чем Нидгем.

Не было даже нужды в его наблюдениях для того, чтобы доказать экстравагантность столь явной фантазии. Угорьки Нидгема незамедлительно отправились туда же, куда и брюссельская курица.

*)- С. 167. -- Примеч. Вольтера.

Тем не менее в 1768 году точный и изысканный переводчик Лукреция, человек здравомыслящий, позволил уловить себя до такой степени, что он не только излагает в своих примечаниях к книге VIII, на странице 361, пресловутые опыты Нидгема, но и делает все от него зависящее, дабы указать на их состоятельность.

Эти идеи послужили новым основанием для построения "Системы природы". Начиная с главы второй автор изъясняется так:

"Увлажнив муку водой и закупорив эту смесь, через некоторое время с помощью микроскопа можно обнаружить, что она произвела на свет организованные существа, которые, как считалось, мука и вода не способны творить. Таким образом, неодушевленная природа может совершить переход к жизни, каковая представляет собой не что иное, как сочетание движений".

Даже если бы эта неслыханная глупость явилась правдой, я не вижу, строго говоря, каким образом она могла бы служить отрицанию Бога: ведь вполне возможно при этом существование некоего верховного Существа, разумного и могущественного, кое, образовав Солнце и все светила, удостоило бы также создать без семени крошечные

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
микроскопические существа. Здесь нет никакого противоречия в терминах.
Доказательного свидетельства того, что Бога не существует, следовало бы поискать в чем-то другом; однако именно этого другого никто, разумеется, не встречал и не встретит.

Автор "Системы природы" с пренебрежением пишет о конечных причинах, ибо, по его мнению, это – избитый довод; но столь презираемый им аргумент принадлежит Цицерону и Ньютону. Уже одно это могло бы вызвать у атеистов некоторое недоверие к самим себе. Достаточно велико число мудрецов, которые, наблюдая пути светил и изумительное искусство, царящее в строении животных и растений, признают могущественную руку, создающую это непрерывное чудо.

Автор утверждает, что слепая и неразборчивая материя производит разумные существа. Создавать без разума существа, которые им обладают! Возможно ли это вместить? И опирается ли эта система хоть на какой-то проблеск правдоподобия? Такое противоречивое утверждение требует доказательств, столь же поразительных, как оно само. Но автор их не дает вообще; он ничего не доказывает, а только утверждает все свои домыслы. Но какой же это хаос! Какая полная неразбериха и какая великая дерзость!

Спиноза признавал, по крайней мере, интеллект, действующий в этом великом целом и устрояющий всю природу; в том была своя философия. Здесь же, в сей новой системе, вынужден я сказать, не нахожу никакой философии.

Материя протяженна, плотна, весома, делима – всем этим я обладаю в той же мере, как и вот этот камень. Но видел ли кто когда-либо ощущающий и мыслящий камень? Если я протяжен, плотен, делим – я обязан этим материи. Но у меня есть чувство и разумение; кому же я ими обязан? Не воде и не тине; весьма вероятно, что обязан я этим чему-то более могущественному, нежели я. Вы говорите мне, будто сила эта – всего лишь комбинация элементов. Докажите же мне это; дайте мне четко узреть, что разумная причина не могла мне дать разума. Вот к чему сводится ваша задача.

Автор успешно сражается со схоластическим богом, с богом, состоящим из противоречивых качеств и коему приписывают, как богам Гомера, людские страсти; бог этот капризен, непостоянен, мстителен, непоследователен, нелеп; но тот же автор не способен сразить Бога мудрецов. Созерцая природу, эти последние допускают разумную высшую силу. Быть может, человеческому разуму не под силу без божественного содействия сделать еще один шаг вперед.

Автор вопрошает, где обитает такое Существо; из того, что ни один человек, не будучи бесконечным, не может ответить, где оно есть, автор заключает: его не существует. Но это не по-философски: ведь из того, что мы не в состоянии указать, где лежит причина некоего следствия, мы не в праве делать вывод, будто причины этой не существует. Не выдав никогда канониров, но узрев действие пушечной батареи, вы не можете сказать: "Батарея эта действует лишь сама по себе".

Уж не считает ли он, будто сказать: "Бога не существует" -- достаточно для того, чтобы вам поверили на слово?

Наконец, очень весомое его возражение заключено в указании на несчастья и преступления людского рода – возражение столь же древнее, сколь и носящее философский характер; оно общераспространенное, но фатальное и страшное, ибо ответить на него можно лишь надеждой на лучшую жизнь. Но что это за надежда? Наш разум не дает нам в ней никакой уверенности. Однако я осмеливаюсь сказать: когда нам доказано, что огромное здание, построенное с величайшим искусством, воздвигнуто архитектором, кем бы он ни был, мы обязаны верить в существование этого архитектора, даже если бы само здание обагрилось нашей кровью, было загрязнено нашими преступлениями и если бы оно раздавило нас своими руинами. Я пока не допытываюсь, добр ли означенный архитектор, надлежит ли мне удовлетвориться его постройкой или я должен скорее уйти из этого здания, чем там оставаться, а также довольны ли им те, кто поселился в нем вместе со мной на несколько дней; я исследую лишь одно -- правда ли, что у этого здания есть архитектор, или же сей дом, снабженный огромным числом прекрасных апартаментов и дрянными мансардами, воздвиг себя сам.

Раздел V

Объектом большого интереса, как мне это представляется, будет не метафизическая аргументация, но возможность взвесить вопрос, необходимо ли для общего блага всех людей, этих несчастных и мыслящих существ допускать существование Бога - вознаграждающего и мстителя, служащего одновременно для нас уздой и утешением, или нам надо отбросить эту идею и отдаться нашим бедствиям без надежды и нашим преступлениям без угрызений совести.

Гоббс утверждает: если в каком-либо государстве, где вообще не признают Бога, какой-нибудь гражданин предложил бы религию, его следовало бы повесить.

Под этим чрезвычайным и преувеличенным требованием он явно разумел случай, когда какой-либо гражданин вздумал бы захватить власть во имя Бога; иначе говоря, он имеет в виду шарлатана, вздумавшего стать тираном. Мы же здесь разумеем граждан, чувствующих людскую слабость, испорченность и беду и изыскивающих опорную точку для укрепления морали людей, а также поддержку для них в томлениях и ужасах этой жизни.

Начиная с Иова и вплоть до нас очень многие люди кляли свое существование; итак, мы постоянно нуждаемся в утешении и надежде. Ваша философия ее нас лишает. Миф о Пандоре имел бы большую силу, он оставлял бы нам надежду, но вы его у нас похищаете! По вашему мнению, философия не дает никаких доказательств грядущего счастья. Да, не дает; но вы не располагаете никакими свидетельствами противного. Вполне возможно, в нас содержится неразрушимая монада, чувствующая и мыслящая, но при этом мы менее всего знаем, каким образом такая монада устроена. Разум никоим образом не противится этой идее, хотя один только разум не может ее подтвердить. И разве моя мысль не обладает громадным преимуществом перед вашей? Она полезна людскому роду, ваша же для него губительна: ваша идея способна, что бы вы там ни говорили, воодушевить Нерона, Александра VI и Картуша, моя же мысль их пригибает к земле.

Марк Антонин и Эпиктет верили, что их монада - какого бы она ни была рода - воссоединится с монадой великого бытия, и они были добродетельнейшими из всех людей.

В том сомнении, в каком пребываем мы оба, я не говорю вам вместе с Паскалем: примите то, что более достоверно. Не бывает никакой достоверности в неуверенности. Ведь речь идет здесь не о пари, а об исследовании: необходим вывод, а наша воля не детерминирует наше суждение. Я не предлагаю вам ничего необычного для того, чтобы вывести вас из затруднения; я не говорю вам: ступайте в Мекку и облобызайте черный камень, чтобы вы просветились; держите руками коровий хвост; обрядитесь в рясу, станьте фанатиком и одержимым во имя снискания благосклонности верховного Существа. Я говорю: продолжайте культивировать добродетель, будьте милосердны, взирайте с отвращением или сожалением на все суеверия, но восхищайтесь вместе со мной замыслом, обнаруживающим себя в целокупной природе, а значит, и Творцом этого замысла - начальной и конечной причиной всего; надейтесь вместе со мной, что наша монада, мыслящая о великом вечном бытии, обретет с помощью самого этого великого бытия счастье. Здесь не содержится никакого противоречия. Вы не докажете мне немислимость подобного счастья, точно так же как я не могу вам математически доказать, что дело обстоит именно так. В метафизических рассуждениях мы опираемся на одну только вероятность; мы плаваем в море, берегов коего никогда не зрели. Горе тем, кто сражается между собой во время этого плавания! Пусть атакует, кто может; но тот, кто мне крикнет: "Вы плывете вотще, гавани нет!" - лишит меня мужества и отнимет все мои силы.

О чем же идет речь в нашем споре? Да о том, чтобы найти утешение в нашем злополучном существовании. И кто из нас дает это утешение - вы или я?

В отдельных местах вашего труда вы признаете сами, что вера в Бога удерживала некоторых людей на грани преступления, - этого признания мне довольно. Если бы это предотвратило на Земле всего лишь десять убийств, десяток клевет и десять несправедливых приговоров, я полагаю, весь мир должен был бы ее принять.

Религия, говорите вы, породила несметное число преступлений, но скажите лучше: их породило суеверие, царящее на нашей мрачной планете; суеверие - самый жестокий враг чистого поклонения, которым мы обязаны верховному Существо. Будем же

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
презирать это чудовище, вечно раздиравшее лоно собственной матери; люди, сражающиеся с ним, – благодетели человечества; суеверие -- змей, обвинивший религию своими кольцами; ему надо размотать голову, не рана при этом религию, которую он отравляет и пожирает.

Вы опасаетесь, как бы, поклоняясь Богу, люди тотчас же не оказывались бы суеверными фанатиками, но разве не следует скорее бояться, что, отрицая Бога, они предадутся самым жестоким страстям и самым страшным из преступлений? Разве между этими двумя крайностями не существует вполне благоразумной середины? Каково же убежище между двумя этими подводными рифами? Убежище это -- Бог и его мудрые законы.

Вы утверждаете, что от поклонения до суеверия – всего один шаг. Но для ладно скроенных умов между тем и другим лежит бесконечность, а таких умов ныне очень много; они стоят во главе народов, влияют на нравы общества; из года в год фанатизм, заполонивший Землю, видит, как у него забирают то, что он безобразно узурпировал.

Еще кое-что я скажу в ответ на ваши слова на странице 223: "Если предполагать какие-то взаимоотношения между человеком и этим невероятным бытием, надо ему воздвигать алтари, нести дары и т.д.; если мы ничего не понимаем в сущности этого бытия, надо обращаться за разъяснениями к священнослужителям, которые... и т.д., и т.д., и т.п.". Великая беда собраться в пору жатвы для благодарения Бога за хлеб, нам даруемый! Подобная идея смехотворна. И где тут беда, если гражданину, именуемому старейшиной или священником, вменяется в долг выполнить эти обряды благодарения, возносимого божеству от лица других граждан, при условии, конечно, что таким служителем культа не будет ни Григорий VII²⁵, шагавший по головам царей, ни Александр VI, осквернивший кровосмешением лоно собственной дочери, которую он зачал в прелюбодейной связи, и убивавший и отравлявший при содействии своего бастарда почти всех соседних с ним государей; разумеется, таким служителем не может быть и приходской священник, жульнически обворовывающий исповедуемых им кающихся и употребляющий украденные деньги на обольщение наставляемых им девочек; таким служителем не может быть Ле Телье, ввергающий в пожар целое королевство мошенничествами, достойными позорного столба, ни Уорбуртон, нарушающий законы общества, предающий гласности секретные бумаги члена парламента, чтобы его погубить, и клеветующий на любого, кто не придерживается его взглядов, хотя эти последние случаи весьма редки. Духовный сан -- узда, принуждающая к благопристойности.

Глупый священник возбуждает презрение; злой священнослужитель внушает ужас; добрый духовный отец, мягкий и благочестивый, свободный от суеверия, милосердный, терпимый – человек, коего мы должны ценить и уважать. Вы опасаетесь злоупотреблений – я также. Давайте же объединимся, дабы их предотвратить; но не будем осуждать обычай, если он полезен для общества и не извращен фанатизмом либо предательской злобой.

Я должен сказать вам весьма важную вещь: я убежден – вы глубоко заблуждаетесь; но я точно так же уверен: вы заблуждаетесь как честный человек. Вы хотите, чтобы люди стали добродетельными, но стали бы ими без Бога, хотя вы, к несчастью, и обмолвились, что "с момента, как порок делает человека счастливым, он должен возлюбить порок". Это – ужасное заявление, и ваши друзья должны были заставить вас его вычеркнуть. Помимо этого места, вы всюду внушаете нам стремление к порядочности. Сей философский спор пойдет только между вами и несколькими философами, разбросанными по Европе; прочая часть Земли не услышит отсюда ни слова. Народ нас не читает. Если какой-то теолог вздумает вас преследовать, он будет злым, безумцем, который вас лишь укрепит и породит на свет других атеистов.

Вы заблуждаетесь, однако греки не преследовали Эпикура, римляне не преследовали Лукреция. Вы заблуждаетесь, но необходимо чтить ваш талант и вашу добродетель, опровергая вас самого изо всех сил.

Самое высшее уважение, какое можно, на мой взгляд, оказать Богу, – это принять его защиту без гнева, тогда как самым недостойным его ликом будет изображение его мстительным и разъяренным. Он – сама истина, а истина лишена страстей. Возвещать Бога от доброго сердца и стойкого, невозмутимого ума значит быть его учеником.

Я, как и вы, считаю фанатизм чудищем, тысячекратно более опасным, чем философский атеизм. Спиноза не позволил себе ни одного дурного поступка. Шастель и Равальяк – оба набожные – умертвили Генриха IV.

Кабинетный атеист почти всегда -- спокойный философ, фанатик же всегда мятежен; однако придворный атеист или атеист-государь мог бы стать бичем человечества. Борджа и ему подобные совершили почти столько же зла, сколько мюнстерские и севернские фанатики: я имею в виду фанатиков обеих партий. Беда кабинетных атеистов заключается в том, что они творят атеистов придворных. Ахилла воспитывал Хирон; он вскармливал его львиным мозгом; и в один прекрасный день Ахилл повлечет тело Гектора вокруг троянских стен и принесет в жертву своей мстительности двенадцать невинных пленных.

Бог да охранит нас от кошмарного священнослужителя, своим священническим ножом искрошившего в куски царя, или от того, кто, одетый в каску и панцирь, в возрасте семидесяти лет осмелился тремя своими окровавленными пальцами подписать смехотворное отлучение от церкви французского короля, или от... от... от... и т.д.!

Но да предотвратит также Бог появление гневливого и грубого деспота, который, не веря в Бога, стал бы богом самому себе, оказался бы недостойным своего священного положения и растоптал ногами обязанности, этим положением на него налагаемые; деспота, который без зазрения совести жертвовал бы своих родичей, друзей, слуг и народ своим страстям! Два этих тигра, один из которых носит тонзуру, другой же – корону, равно опасны. И какую узду могли бы мы на них наложить? И т.д., и т.п.

Если идея Бога, к коему могут приобщиться наши души, породила Тита, Траяна, Антонина, Марка Аврелия и тех великих китайских императоров, чья память столь драгоценна во второй из самых древних и обширных империй мира, мне довольно для моего дела этих примеров, дело же мое -- дело всего человечества.

Я не верю, чтобы во всей Европе нашлся хоть один государственный муж или человек, хотя бы немного враждавший в свете, который не презирал бы самым глубоким образом все те легенды, коими мир был наводнен сильнее, нежели ныне он наводнен брошюрами. Если религия не порождает больше гражданских войн, мы обязаны этим исключительно философии: на теологические диспуты начинают в наше время смотреть теми же глазами, как на перебранку Жюль и Пьерро на базаре. Эта одновременно одиозная и смехотворная узурпация, основанная, с одной стороны, на обмане, с другой же – на глупости, ежесекундно подрывается разумом, утверждающим свое царство. Булла *In Coena Domini*²⁶ – этот шедевр наглости и безрассудства – не осмеливается более появиться на свет даже в Риме. Когда какая-либо папская клика позволяет себе хоть малейший выпад против законов государства, эту клику немедленно упраздняют. Но разве, если были изгнаны иезуиты, следует изгнать также Бога? Наоборот, его надо за это любить еще больше.

Раздел VI

При императоре Аркадии Логомах²⁷, константинопольский теолог, отправился в Скифию и сделал остановку у подножия Кавказских гор, в плодородных равнинах Зефирима, у границ Колхиды. Добрый старец Дондиндах находился в это время в своей низкой просторной палате, расположенной между его большой овчарней и обширным гумном; он стоял на коленях вместе со своей женой, своими пятью сыновьями и дочерьми, с родителями и слугами, и все они возносили – после легкого ужина – хвалы богу. -- Чем занят ты здесь, идолопоклонник? – спросил его Логомах. – Но я вовсе не идолопоклонник, отвечал Дондиндах. -- Нет, ты должен быть идолопоклонником, возразил Логомах, ибо ты не грек. Но вот скажи мне, что ты пел сейчас на своем варварском скифском жаргоне? – Все языки равны пред слухом бога, отвечал скиф, мы пели хвалебные гимны. – Чудное дело! – подхватил теолог. Скифская семья молится богу, не будучи нами обученной! Он тотчас же затеял беседу со скифом Дондиндахом, ибо теолог умел чуть-чуть говорить по-скифски, тот же немного знал греческий. Запись этой беседы обнаружили в рукописи, хранящейся в Константинопольской библиотеке.

Логомах. Поглядим, насколько ты знаешь свой катехизис. Почему ты молишься богу?

Дондиндах. Справедливо почитать верховное Существо, кое нам дает все.

Логомах. Неплохо для варвара! А что ты у него просишь?

Дондиндах. Я благодарю его за блага, коими пользуюсь, и даже за зло, коим он меня испытывает; но я остерегаюсь что бы то ни было у него просить: он лучше нас знает, что нам необходимо, да, кроме того, я поостерегся бы просить у него благовременья тогда, когда мой сосед просит дождя.

Логомах. А! Я знал, что он ляпнет какую-то глупость. Возьмемся за дело повыше: варвар, кто поведал тебе, что есть Бог?

Дондиндах. Природа в ее целокупности.

Логомах. Этого недостаточно. Какое представление у тебя о Боге?

Дондиндах. Я считаю его своим творцом, хозяином, могущим меня вознаградить за благое дело и наказать за зло.

Логомах. Пустота, скудоумие! Обратимся к сути. Бог бесконечен *secundum quid** или по существу?

Дондиндах. Я вас не понимаю.

Логомах. Грубая скотина! Находится ли Бог в одном месте, вне всякого места или повсюду одновременно?

Дондиндах. Я ничего об этом не знаю... Пусть все будет, как вам угодно.

Логомах. Невежда! Может ли он сделать, чтобы того, что было, не было вовсе, или чтобы палка была лишена двух концов? Усматривает ли он будущее как будущее или как настоящее? Как поступает он, дабы извлечь бытие из небытия или дабы аннулировать бытие?

Дондиндах. Я никогда не исследовал подобные вещи.

Логомах. Что за тупица! Ну же, надо немножко осесть, умериться! Скажи мне, мой друг, веришь ли ты в вечность материи?

Дондиндах. Что за важность, существует ли она извечно или нет? Я-то не существую извечно. Бог всегда является моим господином; он дал мне понятие справедливости, и я должен этой справедливости следовать; я вовсе не желаю превратиться в философа, я хочу быть человеком.

Логомах. До чего же тяжело с этими тугодумами! Давай будем продвигаться вперед постепенно: что есть Бог?

Дондиндах. Он – мой господин, судья и отец.

Логомах. Но я вовсе не это спрашиваю. Какова его сущность?

Дондиндах. Сущность его в том, чтобы быть могущественным и добрым.

Логомах. Но телесен ли он или духовен?

Дондиндах. Как можете вы требовать, чтобы я это знал?

Логомах. Как?! Ты не знаешь, что такое дух?

Дондиндах. Нисколько; да и на что мне все это? Стану ли я от этого более справедлив? Буду ли лучшим мужем, отцом, хозяином, гражданином?

* На трапезе Господней (лат.) – Примеч. переводчика.

* В соответствии с чем-то (лат.) – Примеч. переводчика.

Логомах. Совершенно необходимо объяснить тебе, что есть дух. Это, это, это... я скажу тебе это в другой раз.

Дондиндах. Я очень опасаюсь, как бы вы не сказали мне/скорее о том, чем он не

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
является, чем о том, что он есть. Позвольте мне в свой черед задать вам вопрос.
Когда-то я видел один из ваших храмов; почему вы рисуете бога с бородой?

Логомах . Это очень трудный вопрос, требующий предварительных разъяснений.

Дондиндах. До получения ваших разъяснений я должен вам рассказать, что приключилось со мной однажды. Я только что велел построить уборную в конце моего сада, но тут я услышал слова крота, рассуждавшего с майским жуком. "Что за прекрасное заведение, - говорил крот. - Наверное, его создал очень могущественный крот". - "Да вы смеетесь, -- отвечал майский жук. -- Зодчий, построивший это здание, - гениальнейший майский жук". С той поры я решил никогда не спорить.

МАТЕРИЯ

Раздел первый

УЧТИВЫЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ФАНАТИКОМ И ФИЛОСОФОМ

фанатик. Да, враг Бога и людей, ты, верящий, будто Бог всемогущ и в его власти наделить даром мышления любое существо, какое он удостоит избрать, я донесу на тебя монсеньору инквизитору, отправлю тебя на костер! Поостерегись - в последний раз тебя предупреждаю.

философ. Таковы ваши аргументы? Так-то вы учите людей? Я восхищен вашей деликатностью.

фанатик. Послушай, я хочу чуть-чуть развлечься в надежде услышать всякую чушь. Отвечай мне: что есть дух?

философ. Я ничего об этом не знаю.

фанатик. А что такое материя?

философ. Я знаю об этом немного. Я полагаю материю протяженной, плотной, обладающей сопротивлением, тяготением, делимой, подвижной. Бог мог придать ей и тысячу иных качеств, неведомых мне.

фанатик. Тысячу иных качеств, предатель! Вижу, куда ты гнешь! Ты сейчас скажешь мне, что Бог был способен одушевить материю, что он дал животным инстинкт и он является господином всего.

философ. Но ведь вполне возможно, что он действительно придал этой материи многие свойства, вам непонятные.

фанатик. Мне непонятные?! Ах ты, злодей!

философ. Да, его могущество простирается дальше вашего разумения.

фанатик. Могущество! Его могущество! Да это рассуждение атеиста!

философ . Но в мою пользу свидетельствуют многие святые отцы.

фанатик. Давай, давай! Ни Бог, ни святые отцы не помешают нам тебя быстрехонько сжечь; такова казнь для отцеубийц и философов, не придерживающихся наших взглядов.

философ. Сам дьявол или ты изобрел этот метод аргументации?

фанатик. Бесноватый, мерзавец, ты смеешь ставить меня на одну доску с дьяволом?!

(Тут фанатик закатывает оплеуху философу, возвращающему ее с лихвой.)

философ. Ко мне, философы!

фанатик. Ко мне, святая Германдада!28

(В этот момент с полдюжины философов появляются с одной стороны, и можно видеть, как с другой бегут сто доминиканцев в сопровождении сотни служителей инквизиции и сотни альгвазилов. Партия проиграна.)

Раздел II

Мудрецы, вопрошаемые, что есть душа, отвечают: мы ничего об этом не знаем. Если их спрашивают, что такое материя, ответ их звучит точно так же. Правда, профессора, особенно школьные, в совершенстве знают все это; твердя, что материя протяженна и делима, они полагают, будто тем самым сказали все, однако, когда их просят объяснить, что означает "протяженность", они испытывают затруднение. "Протяженная" значит "состоящая из частей", говорят они. Но из чего состоят эти части? Делимы ли элементы этих частей? И тогда они либо умолкают, либо пускаются в пространные объяснения: то и другое равно подозрительно. Почти неведомое нам бытие, именуемое материей, вечно ли оно? Вся античность отвечала на этот вопрос утвердительно. Обладает ли она сама по себе активной силой? Многие философы так считали. А те, кто сие отрицает, вправе ли они это делать? Вы не постигаете, каким образом материя может иметь что-либо сама по себе. Но как можете вы утверждать, будто она не обладает сама по себе необходимыми для нее свойствами? Вы не понимаете ее природы и отказываете ей в модусах, заложенных тем не менее в ее природе: ведь в конце концов с того момента, как она существует, необходимо, чтобы она имела определенный вид и форму, а с момента, когда она в силу необходимости получает форму, возможно ли, чтобы она не имела иных модусов, связанных с ее очертаниями? Материя существует, и вы познаете ее исключительно через свои ощущения. Увы! К чему нам служат все вытекающие из рассуждения тонкие ухищрения ума? Геометрия сообщила нам приличное число истин, метафизика - очень мало. Мы взвешиваем материю, измеряем ее, разлагаем на составные части; но если мы хотим сделать хоть шаг за пределы сих грубых действий, мы чувствуем собственное бессилие и пропасть, разверзшуюся под нами.

Извините, ради Бога, весь мир за то, что он заблуждался, веря в самостоятельное существование материи. Да и мог ли он поступать иначе? Как можно себе представить, что вещь, не имеющая преемственности, не существовала от века? Если существование материи не было необходимым, почему она существует? И если ей было необходимо быть, почему не была она вечно? Ни одна аксиома не имела столь универсального распространения, как эта: "Ничто не возникает из ничего". В самом деле, противоположный тезис непостижим. У всех народов хаос предшествовал устройству целого мира, созданного божественной рукой. Вечность материи ни у одного народа не повредила культу божества. Религия никогда не способна была пошатнуть представление, признававшее вечного Бога господином вечной материи. Мы довольно осчастливлены ныне верой, помогающей нам понять, что Бог извлек материю из небытия; однако ни один народ не был раньше обучен сему догмату; сами иудеи его не ведали. Первый стих "Бытия" гласит, что боги Элогим (а не Элои) создали небо и землю; но там не сказано, будто небо и земля были сотворены из ничего.

Филон, живший в то единственное время, когда иудеи имели некоторое образование, говорит в своей главе о творении: "Бог, будучи по своей природе благим, не питал никакой зависти к субстанции, к материи, не имевшей в себе самой ничего благого и обладающей по своей природе инертностью, смешением, беспорядком. Он удостоил сделать ее благой из скверной, каковой она пребывала".

Идея хаоса, упорядоченного богом, содержится во всех древних теогониях. Гесиод повторял то, что думал об этом Восток, когда возвещал в своей теогонии: "Хаос был первым, что существует". Овидий выступал в качестве глашатая всей Римской империи, когда говорил:

Sic ubi dispositam, quisquis fuit ille Deorum, Congeriem secuit...

(Ovid., Met. I, 32)*

* "Расположенную так, некий бог - какой, неизвестно, // Массу потом разделил... Метаморфозы, I, 32 - перевод С. Шервинского). - Примеч. переводчика.

Итак, материю в божьих руках рассматривали как глину на кругу, если только допустимо пользоваться этими слабыми для выражения божественной мощи.

Материя, будучи вечной, должна была иметь вечные свойства, такие, как очертания, сила инерции, движение, делимость. Последняя является всего лишь результатом

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
движения, ибо без него ничто не разделяется, не дробится и не организуется вновь. Таким образом, движение рассматривали как присущее материи. Хаос был беспорядочным движением, а космос – движением упорядоченным, которое господин мира сообщил всем телам. Но как могла материя иметь свое собственное движение? Согласно всем античным философам, она обладала им, так же как протяженностью и непроницаемостью.

Однако если ее нельзя постичь без протяженности, то вполне можно без движения. На это отвечали: немыслимо, чтобы материя была непроницаема; но если она проницаема, нечто должно постоянно проникать в ее поры; в самом деле, для чего же проходы, если нечему проходить?

Вопросы, ответы – и так без конца; система вечной материи имеет свои великие трудности, как и все остальные системы. Та, что предполагает образование материи из небытия, не менее непостижима. Надо ее допустить, не льстя при этом себя надеждой ее обосновать; философия вообще ничего не обосновывает. Какие только непостижимые вещи не бываем мы вынуждены допускать, даже в геометрии! Можно ли постичь две линии, постоянно сходящиеся, но никогда не пересекающиеся?

Правда, геометры нам скажут: свойства асимптот вам доказаны, вы не можете отказать их допустить; но творение не доказано вовсе, почему ж вы его допускаете? Что мешает вам верить вместе со всей античностью в вечность материи? С другой стороны, на вас обрушится теолог и скажет вам: если вы верите, что материя вечна, значит, вы признаете два принципа – Бога и материю; таким образом, вы впадаете в заблуждение Зороастра и Манета.

Мы ничего не ответим геометрам, ибо эти люди знают одни только свои линии, поверхности и объемы. Теологу же можно сказать: почему вы причисляете меня к манихеям? Вот перед вами камни, не созданные никаким зодчим, но зодчий воздвиг из них огромное здание; я не допускаю двух зодчих: грубый камень подчинился могуществу и таланту.

По счастью, какой бы ни придерживаться системы, ни одна из них не вредит морали, ибо какая разница – создана материя или устроена? Все равно, Бог – наш абсолютный хозяин. Мы обязаны быть равно добродетельными при упорядоченном хаосе либо при хаосе, вызванном из небытия; почти ни одна из этих метафизических проблем не влияет на жизненное поведение; диспуты – то же самое, что пустая застольная болтовня: после еды каждый забывает, что он сказал, и отправляется туда, куда зовут его его интересы и вкусы.

МЕТАФИЗИКА

Trans naturam* -- "за пределами природы". Но материально ли то, что находится за пределами природы? Так как под "природой" разумеется материя, метафизическим является то, что нематериально.

Это, к примеру, ваше мышление, которое ни длинно, ни широко, ни высоко, ни плотно, ни остроконечно;

ваша душа, вам неведомая и порождающая ваше мышление;

духи, о которых всегда говорили и которым долго приписывалось столь тонкое тело, что оно переставало быть телом, пока, наконец, их вообще не лишили даже призрака тела, не ведая при этом, что же на их долю останется;

способ, которым эти духи чувствуют, не обладая такой помехой, как наши пять чувств; способ, которым они мыслят, не имея головы; наконец, способ, которым они меж собой обмениваются мыслями, не говоря при этом ни слова и не пользуясь знаками;

наконец, Бог, знакомый нам по его твореньям, но которому наша заносчивость толкает нас дать определение; Бог, чью необъятную силу мы чувствуем; Бог, между которым и нами -- пропасть бесконечности, но природу которого мы тем не менее смеем исследовать.

Все это -- объекты метафизики.

Сюда можно было бы добавить принципы математики как таковые, точки без

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
протяженности, линии без ширины, поверхности, лишённые глубины, единицы, делимые до бесконечности, и т.д.

Сам Бейль считал, что эти объекты суть вещи рациональные; но в действительности это материальные вещи, рассматриваемые с точки зрения их массы, поверхностей, их простых длины или ширины, с точки зрения пределов этих простых длины и ширины. Все измерения точны и доказаны, и метафизике нечего делать в области геометрии.

Поэтому можно быть метафизиком, не будучи геометром. Метафизика забавнее геометрии -- часто это роман ума. В геометрии, напротив, надо считать, измерять. Это вечное неудобство, и многие умы предпочли бы, не утомляясь, сладостно грезить.

* Латинское выражение, соответствующее греч. "метафизика". - Примеч. переводчика.

ФИЛОСОФИЯ

Раздел первый

Пишите *philosophie* или *philosophie* как вам угодно; согласитесь однако, что с момента появления философии она подвергалась преследованиям. Собаки, которым вы предлагаете пищу, их не устраивающую, тотчас же вас кусают.

Вы скажете - я повторяюсь; но необходимо сотни раз ставить на вид человечеству осуждение Галилея святой конгрегацией, и то, что ханжи, отлучившие от церкви всех добрых граждан, вставших под знамена Генриха IV, были теми же педантами, что осудили немногие истины, которые можно было обнаружить в трудах Декарта.

Все цепные псы теологии, облаивающие друг друга, скопом бросались с лаем на де Ту, на Ламот Лавайе²⁹ и на Бейля. А какие глупости сочиняли в своих писаниях ничтожные вельшские схоласты против мудрого Локка!

Вельны эти утверждали, будто Цезарь, Цицерон, Сенека, Плиний и Марк Аврелий сколько угодно могли быть философами, однако это не разрешено у вельшей. Мы отвечаем им: это более чем разрешено и почитается очень полезным у французов; ничто не приносило большего блага англичанам - и пора, наконец, истребить подобное варварство.

Вы возразите мне, что трудно достичь здесь цели. Нет, это трудно среди толпы болванов, но среди всех порядочных людей, можете считать, ваше дело сделано.

Раздел II

Одной из великих бед, равно как и одной из самых смешных сторон людского рода, является то, что во всех странах, носящих имя цивилизованных, за исключением, быть может, Китая, священники берут на себя занятия, являющиеся прерогативой философов. Они вмешиваются в порядок календарного года: потому, дескать, им принадлежит это право, что народам необходимо знать дни своих праздников. Так, халдейские, египетские, греческие и римские жрецы считали себя математиками и астрономами. Но что это за математика и астрономия! Слишком уж они были заняты своими жертвоприношениями, оракулами, предсказаниями будущего и своими знаменами, чтобы еще и серьезно заниматься наукой. Никто из делающих своей профессией шарлатанство не может обладать точным и ясным умом. Люди эти были астрологами, а не астрономами.

Сами греческие жрецы считали поначалу год состоящим только из трехсот шестидесяти дней. Понадобилась наука геометров, чтобы они поняли, что ошиблись на пять и более дней. Итак, они преобразовали свой год. Другие геометры вдобавок к этому показали им, что они ошиблись на шесть часов. Ифит обязал их изменить свой греческий календарь. Они добавили к своему неверному году один день в конце каждого четырехлетия, и Ифит отменил это изменение учреждением Олимпиад.

Наконец, жрецы были вынуждены прибегнуть к философу Метону, который, сличая лунный и солнечный годы, создал свой девятнадцатидневный цикл, в конце которого Солнце и Луна возвращались в свое исходное положение с приблизительной разницей в полтора часа. Цикл этот был начертан золотыми знаками и выставлен на агоре в Афинах - это и есть знаменитое золотое число, коим поныне пользуются с

Достаточно хорошо известно, какую смехотворную путаницу внесли римские жрецы в годичный календарь. Их оплошности были столь велики, что летние их празднества падали на зиму. Цезарь, универсально образованный Цезарь, вынужден был пригласить из Александрии философа Сосигена для исправления чудовищных ошибок понтификов.

А когда во времена папства Григория XI¹¹³⁰ возникла необходимость реформировать календарь Юлия Цезаря, к кому обратился папа? К какому-нибудь инквизитору? Нет, к философу, врачу, по имени Лилио³¹.

Если бы книгу "Наука о календаре" поручили составить профессору Коже³², ректору университета, он не понял бы даже, о чем идет речь. С этим следовало бы, конечно, обратиться к г-ну Лаланду³³, члену Академии наук, на котором лежит выполнение этой труднейшей работы, вдобавок скверно оплачиваемой.

Ведь красноречивый ритор Коже допустил весьма странный промах, когда предложил на соискание университетской награды столь необычно объявленную тему: "Non magis Deo quam regibus infensa est ista quae vocatur hodie philosophia (лат.- "То, что ныне именуется философией, не более враждебно Богу, чем королям"). Он хотел сказать "не менее враждебно", но принял magis за minus (больше за меньше- лат). А между тем бедняга должен был знать, что наши академики не являются врагами ни Бога, ни короля*.

* См. по этому поводу Рассуждение г-на адвоката Бельгье, весьма любопытное. - Примеч. Вольтера.

Раздел III

- Если философия сделала столько чести Франции в Энциклопедии³⁴, надо также признать, что невежество и зависть, посмеявшие осудить этот труд, покрыли бы Францию позором, если бы двенадцать-пятнадцать конвульсионеров, затеявших заговор, можно было рассматривать в качестве рупоров Франции, в то время как они были на самом деле всего лишь слугами фанатизма и мятежа и вынудили короля разогнать подкупленную ими корпорацию. Действия их не были такими насильственными, как во времена Фронды, но были не менее смешны. Их фанатичная вера в конвульсии и жалкий престиж Сен-Медара были столь сильны, что они вынудили некоего чиновника - человека, впрочем, мудрого и уважаемого - заявить во всеуслышание в парламенте, будто "чудеса католической церкви существовали всегда". Под этими чудесами можно было разумеать лишь явления конвульсий. Несомненно, других чудес не бывает, если только не верить в мальшей, воскрешенных святым Овидием. Времена чудес миновали: церковь-триумфаторша в них более не нуждается. По правде говоря, понимал ли хоть единое слово кто-либо из гонителей Энциклопедии в ее статьях по астрономии, динамике, геометрии, метафизике, ботанике, медицине и анатомии, которыми заполнена в каждом своем томе эта ставшая столь необходимой книга?*

*-Хорошо известно, что не все равноценно в этом огромном труде, да это и невозможно. Статьи Кюзака и других подобных втируш нельзя сравнить со статьями Дидро, д'Алам-бера³⁵, Жокура, Бушэ д'Аргиса, Венелля, Дюмарсе³⁶ и многих других истинных философов; но в целом труд этот - вечная услуга человечеству; доказательством тому служит то, что его переиздают всюду. Его хулителям не оказывают подобной чести. Да и существовали ли они вообще? Сие можно знать лишь по нашему о них упоминанию. - Примеч. Вольтера.

Какая груда нелепых обвинений и грубой клеветы обрушилась на эту сокровищницу всевозможных знаний! Стоило бы опубликовать это в конце Энциклопедии, дабы увековечить позор этих людей.

Вот что значит вознамериться судить о труде, который вы не в состоянии даже понять. Подлецы! Они вопили, будто философия губит католицизм. Полноте! На двадцать миллионов человек нашелся ли хоть один, кто оскорбил бы малейший обычай прихода? Разве недоставало когда кому-либо уважения к церкви? Или кто-нибудь выступил публично против наших обрядов с единым словом, кое звучало бы столь же язвительно, сколь звучали некогда выпады против королевской власти?

Повторяем: никогда философия не причиняла вреда государству; фанатизм же,

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
сопряженный с корпоративным духом, причинял ему неисчислимый вред во все времена.

Раздел IV

КРАТКИЙ ОБЗОР ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФИИ

Я потратил около сорока лет на паломничество в два-три уголка этого света, целью которого были поиски философского камня, именуемого истиной. Я советовался со всеми поклонниками античности, с Эпикуром и Августином, Платоном и Мальбраншем, но остался при своей бедности. Быть может, во всех этих философских горнилах содержатся одна-две унции золота; все же остальное – тлен, безвкусное месиво, из которого ничто не может родиться.

Мне кажется, наши учителя-греки скорее писали ради того, чтобы обнаружить свой ум, нежели для того, чтобы поставить его на службу познанию. Я не вижу ни одного античного автора, имеющего последовательную систему методичную, ясную, развиваемую от следствия к следствию.

Пожелав сличить и объединить системы Платона, наставника Александра³⁷, Пифагора и восточных философов я извлек приблизительно следующее:

Случай – слово, лишенное смысла; ничто не может существовать без причины. Мир устроен в соответствии с математическими законами, а значит, его устраивал разум.

Возглавляло созидание этого мира не такое разумное существо, как я, ибо я не могу создать и клеща; а значит, этот мир – творение интеллекта, значительно превосходящего мой разум.

Существо это, в столь высокой степени обладающее разумом и могуществом, -- существует ли оно в силу необходимости? Так, разумеется, должно быть, ибо ему необходимо либо получить свое существование от другого бытия, либо благодаря своей собственной сущности. Если оно получило его от иного бытия -- а это трудно постичь, -- я должен прибегнуть к этому иному, и это иное бытие окажется перводвигателем. Куда бы я ни обратился, я должен допустить могущественный и разумный перводвигатель, являющийся таковым по своей сути.

Сей перводвигатель -- вызвал ли он вещи из небытия? Это непостижимо: творить из ничего означает превращать небытие в нечто. Я не должен допускать подобное созидание, по крайней мере если не найду неопровержимых доводов, которые заставили бы меня допустить то, что мой ум вовсе не может постичь.

Все сущее кажется существующим необходимо, ибо оно существует. Ведь если сегодня есть причина для бытия вещей, то она была и вчера, и во все времена; причина эта всегда должна была иметь свое следствие, без чего она целую вечность существовала бы в качестве бесполезной причины.

Но как могли извечно существовать вещи, явно находящиеся под управлением перводвигателя? Значит, этой силе необходимо было извечно действовать, точно так же как не бывает Солнца без света или движения без вещи, которая переходила бы из одной точки пространства в другую.

Итак, существует некое могучее и разумное Существо, которое действовало извечно; ведь если бы оно не действовало, к чему было бы ему существование?

Итак, все вещи – вечные истечения этого перводвигателя.

Но как постичь, что камень и тина – истечения вечного, разумного и иогущественного Существа?

Нужно одно из двух: либо чтобы материя этого камня и этой тины необходимо существовала сама по себе, либо эти материи необходимо существовали благодаря перводвигателю; третьего не дано.

Таким образом, перед нами два выхода: либо мы должны допустить извечную материю, существующую саму по себе, либо материю, вечно истекающую из могущественного, разумного и вечного Существа.

Но существует ли она по своей собственной природе или же истекает из производящего бытия, она существует извечно, ибо она существует и нет никакой причины, по которой она не существовала бы ранее.

Если материя вечно необходима, немислимым и противоречивым было бы ее небытие; но кто из людей может утверждать, будто немислимо и противоречиво, чтобы этот булыжник и эта мошка не имели существования? Мы вынуждены, однако, снять это сомнение, более поражающее воображение, нежели противоречащее принципам рассудка.

В самом деле, с момента как вы постигли, что все проистекло от верховного и разумного Существа и ничто не проистекло от него без причины, что бытие это, существуя всегда, всегда должно было действовать, а следовательно, все вещи должны были проистекать из лона его природы, вы более не должны падать духом из-за веры в то, что материя, из которой образованы эти булыжник и мошка, есть создание вечное, как вы не огорчаетесь, постигая свет в качестве вечной эманации всемогущего бытия.

Поскольку я – протяженное и мыслящее существо, мои протяженность и мысль суть необходимые творения всемогущего Существа. Мне ясно, что сам я не мог сообщить себе ни протяженности, ни мышления, а значит, я получил то и другое от этого необходимого бытия.

Могло ли оно дать мне то, чего само не имеет? У меня есть разум, и я нахожусь в пространстве; значит, это Существо разумно и также существует в пространстве.

Говорить, что это вечное Существо, этот всемогущий Бог извечно наполнял в силу необходимости вселенную своими творениями, не значит лишать его принадлежащей ему свободы; напротив, ибо свобода его есть не что иное, как способность действовать. Бог извечно действовал во всей полноте; итак, он всегда пользовался всей полнотой своей свободы.

Свобода, именуемая свободой безразличия, -- это слово, лишенное представления, или нелепость: ведь такая свобода означает детерминировать себя без причины, иначе говоря, это следствие без причины. А следовательно, Бог не может обладать подобной мнимой свободой, представляющей собой противоречие в терминах. Следовательно, он всегда действовал в силу той самой необходимости, что определяет его существование.

Итак, немислимо, чтобы мир был без Бога, и немислимо, чтобы Бог был без мира.

Этот мир наполнен сменяющимися друг друга существами, а значит, Бог всегда творил сменяющиеся поколения существ.

Предварительные эти положения являются основой древней восточной философии и философии греков. Здесь следует исключить Демокрита и Эпикура, чья корпускулярная философия опровергала эти догматы. Заметим, однако, что эпикурейцы основывались на совершенно ошибочной физике, а метафизическая система прочих философов продолжает жить наряду со всеми физическими системами. Вся природа, за исключением пустоты, противоречит физике Эпикура, но ни единое явление не противоречит только что мной изложенной философии. Однако не превосходит ли философия, согласная со всем тем, что совершается в природе, и удовлетворяющая самые зоркие умы, любую другую не богооткровенную систему?

Что же остается нам после положений древних философов, сведенных мной воедино настолько, насколько я мог? Хаос химер и сомнений. Не думаю, чтобы на свете существовал хоть один философ-системосозидатель, который не признался бы в конце своей жизни, что он даром терял свое время. Следует признать, что изобретатели в области искусства механики оказались значительно полезнее людям, чем изобретатели силлогизмов: тот, кто изобрел ткацкий челнок, имеет несказанное преимущество перед тем, кто придумал врожденные идеи.

РЕЛИГИЯ

Раздел первый

Эпикурейцы, не имевшие никакой религии, рекомендовали удаление от общественных дел, научные занятия и взаимное согласие. Секта эта представляла собой общество

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
друзей, ибо их главной догмой была дружба. Атик, Лукреций, Меммий и еще некоторые люди подобного склада способны были на весьма честное совместное существование; такое положение наблюдается во всех странах. Что же, философствуйте, сколько вашей душе угодно, между собой. Полагаю, что я способен понять любителей, устраивающих в обществе себе подобных концерт ученой и изысканной музыки; однако поостерегитесь давать подобный концерт перед невежественной и грубой толпой -- она может разбить ваши инструменты о ваши головы. Если в вашем управлении находится хоть небольшое местечко, необходимо, чтобы оно имело религию.

Я здесь совсем не касаюсь нашей религии: она -- единственно благая, единственно необходимая, единственно обоснованная и вторая богооткровенная.

Мыслимо ли вообще для человеческого ума - я не говорю, допустить религию, которая приближалась бы к нашей, но такую, которая была бы менее скверной, чем все иные религии мира? И какой могла бы эта религия быть?

Не будет ли такой религией та, что учит нас поклонению верховному Существо - единому, бесконечному, вечному Творцу мира, движущему им и его одушевляющему, *сui p̄ simile p̄ secundum*?* Религия, которая единила бы нас этим верховным Существом в награду за наши добродетели и разъединяла бы нас с ним в наказание за преступления?

Религия эта пренебрегла бы догматами, измышленными тщеславным безумием, - вечными темами для дискуссий - и учила бы чистой морали, по поводу которой никто никогда бы не спорил.

Она никоим образом не усматривала бы суть культа в пустых обрядах, таких, как слюнявые поцелуи в рот, обрезание крайней плоти или же кастрация яичка, если принять во внимание, что возможно выполнять все свои общественные обязанности, сохраняя оба яичка и неповрежденную крайнюю плоть, а также избегая слюнявых поцелуев.

Это была бы религия служения своему ближнему во имя любви к Богу вместо преследования своего ближнего и его убиения во имя Бога; религия эта учила бы терпимости по отношению к остальным и, заслужив таким образом всеобщее расположение, была бы единственной, способной превратить человеческий род в народ братьев.

*)-Полностью этот Горацийев стих (Оды, кн. I, ода XII, ст. 18) звучит так: *Nee viget quicquam simile aut secundum* - "Коему нет ни подобия, ни сходства" - Перевод наш. - С. Ш.-Т.

У этой религии были бы торжественные обряды, поражающие умы толпы, и отсутствовали бы мистерии, способные возмутить мудрых и раздражить неверующих.

Она не столько предлагала бы людям искупление прегрешений, сколько воодушевляла бы их к общественным добродетелям.

Она гарантировала бы своим служителям достаточно почетный доход, позволяющий им прилично существовать, и никогда не разрешала бы им узурпировать должности и власть, способную превратить их в тиранов. Она установила бы удобные пособия по болезни и старости, но никогда - по лени и праздности.

Большая доля этой религии живет уже в сердцах многих государей, и она станет господствующей с того момента, как пункты вечного мира, предложенные аббатом Сен-Пьером³⁸, будут подписаны всеми владыками.

Раздел II

Нынче ночью я размышлял; я был погружен в созерцание природы; я восхищался необъятностью бесчисленных миров, их путями и связями - тем восхищением, что незнакомо толпе.

Еще больше я восхищался интеллектом, руководящим сим громадным механизмом. Я говорил себе: "надо быть уже слепым, чтобы не ослепнуть от этого зрелища; надо быть полным тупицей, чтобы не усмотреть здесь Творца; и надо быть глупцом, чтобы пред ним не склониться. Какую же дань поклонения должен я ему принести? Не

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
должна ли эта дань быть одинаковой на всей протяженности [мирового] пространства, поскольку одна и та же верховная сила равно царит в этом пространстве? Разве мыслящее существо, обитающее на каком-то светиле Млечного пути, не обязано ему тем же уважением, коим и мыслящее существо на маленьком шарике, где мы обитаем? Свет единообразен и для звезды Сириус, и для нас; единообразной должна быть также мораль. Если некое чувствующее и мыслящее существо на звезде Сириус было рождено нежными отцом и матерью, стремившимися к его счастью, оно обязано им такой же любовью и заботой, какими мы здесь обязаны нашим родителям. Если кто-либо в пределах Млечного пути узрит жалкого калеку и если он может утишить его страдания, в том случае, если он этого не сделает, он окажется виновен перед всеми мирами. Сердце повсюду обременено одними обязанностями -- и на ступенях божьего трона (если у Бога есть трон), и на дне пропасти, если таковая где существует".

Я был погружен в эти размышления, когда один из тех гениев, которыми наполнены межмировые пространства, спустился ко мне. Я узнал то самое воздушное существо, кое некогда явилось ко мне, дабы пояснить мне, насколько суждения Бога отличны от наших и насколько доброе дело предпочтительнее пустых препирательств*.

* Смотрите статью "Догма". - Примеч. Вольтера.

Он перенес меня в пустыню, покрытую горами окаменелых костей; но среди этих мертвых останков там были аллеи вечнозеленых деревьев, в конце же каждой аллеи -- высокий человек величавого вида, сострадательно созерцавший сии грустные реликты.

- Увы, мой архангел! -- молвил я провожатому, -- куда вы меня привели?

- В пределы уныния, -- мне отвечивал он.

- А кто эти добрые патриархи, коих я зрю в конце каждой из этих зеленых аллей неподвижными и умиленными - кажется, будто они оплакивают это бесчисленное множество мертвецов?

- Ты узнаешь это, бедное человеческое существо, -- ответил мне гений межмировых пространств, -- но сначала ты должен пролить слезу. Он начал с первой груди.

- "Вот эти, -- сказал он, -- суть двадцать три тысячи иудеев, плясавших перед тельцом, и с ними двадцать четыре тысячи, убитых, когда они возлежали с маданитянками. Число истребленных за подобные проступки или ошибки достигает почти трехсот тысяч.

В соседних аллеях лежат останки христиан, взаимно истребивших друг друга в ходе метафизических диспутов. Они разделены на множество отдельных куч, каждая из которых вмещает в себя по четыре века. Единая куча могла бы вознестись до самых небес: следовало ее разделить.

- Как? - вскричал я, -- братья так обошлись со своими братьями, а я имею несчастье пребывать в этом братстве!

- Вот, -- молвил дух, - двенадцать миллионов американцев, убитых на своей родине за то, что они не были крещены.

- О боже! Почему же вы не оставляете эти страшные окаменелости сохнуть в том полушарии, где увидели свет их тела и где они были подвержены столь разнообразной кончине? Для чего собирать здесь все эти ужасающие памятники варварства и фанатизма?

- Дабы открыть тебе очи.

- Но раз ты хочешь меня просвещать, скажи мне, есть ли, кроме христиан и иудеев, другие народы, которым рвение и религия, злополучно обернувшись фанатизмом, внушили бы столь ужасающие жестокости?

- Да, есть, - отвечал мне он, - магометане осквернили себя такими же бесчеловечными деяниями, хотя это и редко у них бывало; когда у них просили аттап - сострадания и когда платили им дань, они вас прощали. Что до других народов, то от начала света среди них не существует ни одного, который бы вел

Вольтер Статьи из философского словаря filosoff.org
чисто религиозные войны. Теперь следуй за мной.

Я последовал за ним.

Миновав эти скопища мертвецов, мы неподалеку узрели другие груды: то были мешки золота и серебра, каждый из которых имел свою этикетку: "Состояние еретиков, истребленных в XVIII, XVII, XVI веках", и дальше: "Злато и серебро убитых американцев и т.д., и т.д.". Все эти груды были увенчаны крестами, митрами, жезлами и тиарами, усыпанными драгоценностями.

- О мой дух, ведь ради этих богатств были свалены в кучу все эти мертвецы?

- Да, мой сын.

Я залился слезами; когда же своим горем я заслужил того, чтобы быть отведенным в конец зеленых аллей, он меня туда проводил.

"Узри, - рек он мне, - героев человечества, бывших благодетелями Земли: все они объединились между собой, дабы изгнать из мира - насколько хватит их сил -- насилие и разбой. Задай им свои вопросы".

Я подбежал к первому из этой компании; голова его была увенчана короной, в руке он держал небольшое кадило; я смиренно спросил его имя.

"Я - Нума Помпилий, - сказал он мне; моим предшественником был разбойник и мне предстояло править разбойниками; я наставлял их добродетели и культу бога; после меня они не раз забывали как о том, так и о другом; я запретил помещать в храмы какие бы то ни было изображения, ибо божество, одушевляющее природу, не может быть представлено в образе. Под моим управлением римляне не знали ни войн, ни восстаний, религия же моя творила одно добро. Все соседние народы явились почтить мои похороны; это был единственный в своем роде случай".

Я поцеловал его руку и перешел ко второму; то был красивый старец в возрасте примерно ста лет, облаченный в белое платье; он приложил средний палец руки к губам, другой же рукой он метал за собой бобы. Я узнал Пифагора. Он заверил меня, что никогда не имел золотого бедра, а также не был никогда петухом, но правил кротонцами, вскоре после времен Нумы Помпилия с той же справедливостью, с какой Нума повелевал римлянами; такая справедливость, сказал он, была более всего необходима миру и крайне редка. Я узнал, что пифагорейцы держали экзамен на совесть два раза не дню. Честные люди! Как далеки мы от них! И это мы-то, в течение тринадцати веков бывшие всего лишь убийцами, осмеливаемся называть этих мудрецов гордецами!

В угоду Пифагору я не вымолвил ни единого слова и перешел к Зоро-астру, занятому тем, что он собирал небесный огонь в фокус вогнутого зеркала, -это происходило в центре зала с сотней дверей, каждая из которых открывала путь мудрости. На главной из этих дверей* я прочел такие слова, представляющие собой краткое резюме всякой морали и ограничивающие все диспуты казуистов:

* Наставления Зороастра именовались дверьми, и их существует сто. Примеч. Вольтера.

"Если ты сомневаешься, хорошо или дурно какое-то дело, воздержись от него".

"Несомненно, - сказал я своему гению, - те варвары, что зарезали все жертвы, чьи останки я видел, не читали этих прекрасных слов".

Далее мы узрели Залевка, Фалеса, Анаксимандра и всех мудрецов, искавших истину и практиковавших добродетель.

Когда мы оказались возле Сократа, я тотчас же узнал его по его впалому носу*.

См. у Ксенофонта. -- Примеч. Вольтера.

- Прекрасно, -- сказал я ему, - вот и вы среди доверенных лиц Всевышнего! Все обитатели Европы, за исключением турок и крымских татар полных невежд, произносят ваше имя с почтением. Это великое имя любят, пред ним благоговоят вплоть до того, что желают знать имена ваших гонителей. Мелета и Анита знают

благодаря вам, подобно тому как Равальяка узнали благодаря Генриху IV; однако я знаю всего лишь имя Анита; я не ведаю точно, каков он был, этот преступник, с легкой руки которого вы были оклеветаны и который достиг своей цели - осуждения вас на цыкату.

- После моего приключения я более никогда не думал об этом человеке, отвечал мне Сократ, - но коль скоро вы мне о нем напоминаете, я весьма о нем сожалею. То был злобный жрец, тайно торговавший кожами: такой вид торговли считался среди нас, греков, постыдным. Он посылал своих двух детей ко мне в обучение. Однако другие ученики укоряли их в том, что отец их - дубильщик кож; они вынуждены были покинуть меня. Отец, разъяренный, не успокоился до тех пор, пока не восстановил против меня всех жрецов и софистов. На Совете пятисот они уверяли, что я -- безбожник, не верящий в то, что Луна, Меркурий и Марс - боги. В самом деле, я думал тогда, как думаю и сейчас, что существует один только Бог - господин целокупной природы. Судьи передали меня государственному отравителю, который сократил мою жизнь на несколько дней: ведь я мирно скончался в возрасте семидесяти лет. После этого я веду блаженную жизнь вместе со всеми этими великими людьми, которых вы видите и среди которых я - самый ничтожный.

После того как я некоторое время наслаждался беседой с Сократом, я двинулся с моим проводником в кустарник, расположенный несколько выше тех роц, где все мудрецы античности, по видимому, вкушали блаженный отдых.

Я увидел человека с мягкими и простыми чертами лица, показавшегося мне тридцатипятилетним³⁹. Он бросал издали сострадательные взгляды на белеющие скопления останков, через которые я был проведен, дабы достичь местопребывания мудрецов. Меня поразили вид его раздутых и кровоточащих ног, таких же рук, пронзенного [копьем] бока и бедер, содранных до крови ударами бича.

- "Милостивый Боже! - сказал я ему, - возможно ли, чтобы справедливый и мудрый человек пребывал в таком состоянии? Я только что видел мудреца, с которым обошлись самым мерзостным образом, однако между его казнью и вашей нет никакого сравнения. Дрянные жрецы и не менее дрянные судьи его отравили; неужели и вас убили столь жестоким образом жрецы и судьи?"

Он весьма приветливо ответил мне: "Да".

- Но кем же были эти чудовища?

-- Лицемерами.

-- А! Этим все сказано. По одному этому слову я вижу, что они должны были присудить вас к высшей мере наказания. Верно, вы им доказывали, как Сократ, что Луна - не богиня, а Меркурий - не бог?

-- Нет, речь не шла в моем случае об этих планетах. Мои соотечественники вообще не знали, что это такое -- планета: все они были круглыми невеждами. Их суеверия сильно отличались от суеверий греков.

-- Значит, вы наставляли их в новой религии?

-- Совсем нет; я им просто говорил: "Возлюбите от полноты вашего сердца Бога и вашего ближнего, как самого себя, ибо именно это значит быть человеком". Судите сами: разве такое предписание не старо, как мир? И смотрите, принес ли я им новый культ. Я без усталости им твердил, что явился не затем, чтобы упразднить закон, но дабы его исполнить; я соблюдал все их обряды - был обрезан, как они все, крещен, как самые ревностные из них, платил, как они, корбан; как и они, я праздновал пасху, вкушая стоя ягненка, вываренного в латуке. Я и мои друзья ходили молиться в храм; друзья мои посещали этот храм и после моей смерти; одним словом, я исполнял все их законы без исключения.

- Как, эти несчастные не могли вам даже вменить в вину Отступничество от их законов?

- Разумеется, нет.

- Но по какой же причине довели они вас до состояния, в котором я вас застаю?

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org

- Что могу я вам на это сказать? Они были преисполнены гордыни и корысти. Они видели, что я их узнал, и знали, что я раскрывал на них глаза гражданам; они были сильнее меня, и они лишили меня жизни: люди, подобные им, всегда поступают таким образом, если могут, с любым человеком, оценившим их справедливой меркой.

- Но не сказали ли вы и не сделали ли чего-то такого, что могло бы хотя бы служить им предлогом?

- Все может служить предлогом злодеям.

- Не оброну ли вы однажды, что явились принести не мир, но меч?

- Это ошибка переписчика; я, наоборот, сказал, что пришел принести не меч, но мир. Я никогда ничего не писал; могло быть внесено изменение в мои слова, произнесенные без всякого злого умысла.

- Таким образом, ваши речи, будучи либо плохо составленными, либо дурно истолкованными, никак не способствовали образованию этих груд ужасных останков, кои я зрел на своем пути, направляясь к вам для совета?

- Я с ужасом взирал на тех, кто оказался виновен во всех этих убиениях.

- А эти памятники могущества и богатства, гордыни и жадности, эти сокровища и украшения, эти знаки величия, виденные мной и моем пути поисков мудрости, -- от вас ли они исходят?

- Это немыслимо; я и мои приверженцы жили в нищете и ничтожестве; величие мое заключалось только в моей добродетели.

Я был близок к тому, чтобы умолять его соизволить сказать мне правду кто он таков? Но мой проводник предупредил меня, чтобы я этого не делал. Он сказал мне, что я не создан для постижения великих сих таинств. Я лишь попросил моего собеседника научить меня, в чем заключается суть истинной религии.

- Разве я вам этого не сказал? Любите Бога и своего ближнего, как самого себя.

- Как, разве мыслимо, любя Бога, вкушать скоромное в пятницу?

- Я всегда ел то, что мне давали, ведь я был слишком беден, чтобы давать кому-то обед.

- Но, любя Бога и будучи справедливым, нельзя разве быть настолько благоразумным, чтобы не доверять все свои житейские похождения первому встречному?

- Я поступал всегда именно так.

- Могу ли я, творя добро, избавиться от паломничества к святому Жаку Компостельскому?

- Я никогда не бывал в этих краях.

- Должен ли я заточить себя в уединенное убежище вместе с компани-! ей дураков?

- Что до меня, я всегда совершал небольшие путешествия меж городами.

- Должен ли я встать на сторону греческой или латинской церкви?

- Я не делал никакой разницы между иудеем и самаритянином, когда жил в свете.

- Отлично, если все это так, я избираю вас своим единственным наставником.

Тогда он сделал мне знак кивком, исполнившей меня утешения. Видение исчезло, но при мне осталась чистая совесть.

Раздел III

ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РЕЛИГИИ

ВОПРОС ПЕРВЫЙ

Епископ Уорчестерский Уорбуртон, автор одного из самых ученых трудов, кои когда-либо были написаны, так изъясняется на странице 8 тома I: "Религия и общество, не основанные на вере в иную жизнь, должны поддерживаться исключительным провидением. Иудаизм не основан на вере в иную жизнь, а значит, его поддерживало особое провидение".

Многие теологи восстали против него; и как обычно опровергаются все аргументы, так опровергали и его аргумент, говоря ему:

"Любая религия, не основанная на догмате бессмертия души и на вере в вечные кары и воздаяния, по необходимости ложна; но иудаизм не знал этих догм, а значит, далеко не поддерживаемый провидением, он, согласно вашим собственным принципам, является ложной и варварской религией, противопоставляющей себя провидению".

Епископ этот имел и других противников, возражавших ему, что бессмертие души было известно среди иудеев даже во времена Моисея. Однако он весьма ясно им доказал, что ни в Десяти заповедях, ни в Левите, ни во Второзаконии не было ни слова об этой вере и просто смешно пытаться исказить и портить некоторые места из других книг, дабы извлечь из них истину, коя не была возведена в книге закона.

Господин епископ, сочинивший четыре тома, дабы доказать, что иудейский закон не предлагал ни кар, ни воздаяний по смерти, так и не сумел дать своим противникам удовлетворительный отпор. Они ему говорили: "либо Моисею был известен этот догмат, и тогда он обманул иудеев, не обнаружив его; либо он был ему неизвестен, и в этом случае его знаний было недостаточно для основания благой религии. В самом деле, если его религия была благой, почему ее упразднили? Истинная религия должна жить во все времена и во всех местах; она должна быть подобна свету Солнца, освещающему все народы и все поколения".

Прелат этот, каким бы ученым он ни был, едва-едва выпутался из всех этих затруднений. Но какая система от них свободна?

ВОПРОС ВТОРОЙ

Другой ученый – гораздо больший философ и один из самых глубоких метафизиков наших дней – приводит сильные доводы в доказательство того, что политеизм был примитивной религией людей и они начинали с веры во многих богов, раньше чем разум настолько просветился, что стал признавать одно лишь верховное бытие.

Смею считать, напротив, что люди начали с признания единого бога, и лишь впоследствии человеческая слабость добавила к нему многих. Вот как я это понимаю.

Несомненно, до постройки больших городов существовали маленькие местечки, и все люди были разделены на небольшие сообщества до своего объединения в большие империи. Вполне естественно, что такое местечко, испуганное раздававшимся с неба громом, удрученное гибелью своей жатвы, подвергаясь обидам со стороны соседей, каждодневно чувствуя свою слабость, ощущая повсюду незримую власть, тотчас же себе говорило: "Над нами есть некое существо, несущее нам и благо и зло".

Мне кажется немислимым, чтобы они говорили: "Существуют две силы". И действительно, почему они должны были думать о нескольких силах? В любом жанре начинают с простого, затем возникает сложное, и зачастую потом возвращаются снова к простому на основе высшего знания. Таков путь человеческого ума.

Что же это за бытие, к которому первоначально обращались с молитвой? Солнце ли это или Луна? Не думаю. Давайте, исследуем процесс, происходящий в ребенке, ведь дети – примерно то же, что невежественные люди. Их не поражает ни красота, ни полезность светила, одушевляющего природу, ни помощь, оказываемая нам Луною, ни регулярные отклонения в ее движении; они об этом не думают – они чересчур к этому привыкли. Обычно поклоняются, молят и стремятся умиливать то, что внушает страх; все дети равнодушно взирают на небо; но стоит только послушаться громовым раскатам, они дрожат от страха и ищут убежища. Первые люди, несомненно, вели себя так же. Среди них могли попадаться философы, отмечавшие пути звезд,

учившие восхищаться ими и им поклоняться; простые же земледельцы, лишенные всякого образования, слишком мало знали, чтобы впасть в столь благородные заблуждения.

Какая-нибудь деревенька ограничивалась тем, что говорила: существует некая грохочущая сила, побивающая нас градом и убивающая наших детей; надо ее умиловить, но как? Мы видим: можно успокоить небольшими подарками гнев раздраженных людей; будем же делать небольшие подарки этой неведомой силе. Следовало также дать этой силе имя. Первое напрашивающееся здесь наименование – вождь, господин, сеньор; итак, эта сила получила звание "монсеньера". Вероятно, именно это послужило причиной, по которой египтяне называли своего бога Кнеф, сирийцы – Адони, соседние с ними народы – Баал или Бел, а также Мельх или Молох, скифы называли его Папей, – все эти слова означают господин, повелитель.

Именно таким образом почти вся Америка оказалась разделенной на множество мелких племен, каждое из которых имело своего бога-покровителя. Даже мексиканцы и перуанцы, бывшие большими народами, имели лишь одного бога: последние поклонялись Манко Копаку, первые – богу войны. Мексиканцы дали своему воинственному богу имя Вицлипуцци, подобно тому как евреи нарекли своего повелителя Саваофом.

Все народы начинали с поклонения единому богу вовсе не в силу высокого и изощренного разума: если бы они были философами, они поклонялись бы богу целокупной природы, а не богу – покровителю какой-то деревни; они исследовали бы несметные связи между всем сущим, доказывающие наличие творческого существа, существа-хранителя; но они ничего не исследовали, они просто чуяли. В этом-то и состоит прогресс нашего слабого разума; каждый поселок ощущал свою слабость и нужду в сильном защитнике. Жители его воображали, что это опекающее их страшное существо живет в соседнем лесу, на горе, или в облаках. Они представляли себе лишь одно подобное существо, ибо у поселения был лишь единственный воинский вождь. Они представляли себе это существо телесным, ибо им было немыслимо представить его иным. Кроме того, они не могли бы поверить, что у соседнего племени нет своего божества. Вот почему Иеффай говорит моавитянам: "Вы законно владеете тем, что вам дал захватить бог ваш, Хамос; дайте же нам владеть тем, что дал нам в наших победах наш бог" (Судьи, XI, 24).

Речи эти, которые один чужеземец держит перед другими, весьма примечательны. Иудеи и моавитяне согнали туземных жителей с их земли; и те и другие располагали правом одной только силы, и при этом один говорил другому: "Твой бог помог тебе в твоей узурпации, терпи же, что мой бог способствует мне в моей".

Иеремия и Амос вопрошают друг друга о том, "какой смысл был богу Малхому вторгаться в страну Гада". На основе этих мест представляется ясным, что в древности каждой земле полагался свой бог-покровитель. Следы такой теологии можно найти еще у Гомера.

Вполне естественно, что воспаленное воображение людей, когда ум их обретал лишь смутные знания, вскоре умножило своих богов и назначило покровителей элементам, морям, лесам, источникам и полям. Чем более изучались звезды, тем большее изумление вселяло это в сознание. Можно ли не поклоняться Солнцу, поклоняясь божеству ручейка? Едва лишь первый шаг сделан, как вся Земля покрывается божествами; в конце концов от звезд спускаются к кошкам и луку.

Однако разум с неизбежностью совершенствуется; время, наконец, создает философов, которые понимают, что ни луковицы, ни кошки, ни даже звезды не устроят порядок природы. Все эти философы – вавилоняне, персы, египтяне, скифы, греки и римляне допускают одно верховное божество, вознаграждающее и мстящее.

Сначала они ничего не сообщают о нем народам: ведь тот, кто осуждал луковицы и кошек пред лицом старейшин и жрецов, подвергался избиению камнями; тот, кто ставил в упрек некоторым египтянам пожирание своих богов, мог быть сам пожран, как это и рассказывает в действительности Ювенал, сообщающий, что некий египтянин был убит и съеден сырым во время ученого диспута.

Однако что было дальше? Орфей и другие учредили мистерии, где посвященные клялись кровавыми клятвами ничего не открывать и все сохранять в тайне, причем сущностью этих мистерий было поклонение единому божеству. Великая эта истина распространилась на половине Земли; число посвященных стало несметным; верно,

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
что древняя религия живет вечно; поскольку она не противоречит догмату единства бога, ей позволяют жить! И для чего бы ее упразднить? Римляне признавали бога милостивейшего, величайшего*; у греков был их Зевс – их верховное божество. Все прочие боги суть всего лишь промежуточные существа; сделайте милость, помещайте героев и императоров в разряд богов, но достоверно, что Клавдий, Октавиан, Тиберий и Калигула не рассматривались как создатели неба и земли.

Одним словом, представляется доказанным, что со времен Августа все исповедовавшие религию признавали вечное верховное божество, а также множество разрядов второстепенных богов, чей культ позднее был назван идолопоклонством.

Иудейские законы никогда не поощряли поклонение идолам: хотя иудеи и допускали существование "малахим" – ангелов, небесных существ низшего разряда, закон их вовсе не повелевал им учреждать культ этих второстепенных божеств. Они поклонялись ангелам -- это верно, иначе говоря, при виде их они падали ниц, но поскольку случалось сие не часто, не существовало ни обрядов, ни узаконенного культа ангелов. Херувимы ковчега вообще были лишены поклонения. Твердо известно, что иудеи, по крайней мере со времен Александра, открыто поклонялись единому Богу, подобно тому как несметное число посвященных втайне чтити его в своих мистериях.

* У Вольтера: Deus optimus maximus (лат.). – Примеч. переводчика.

ВОПРОС ТРЕТИЙ

Во времена, когда культ верховного божества повсеместно был учрежден в Азии, Европе и Африке, зародилась христианская религия.

Платонизм сильно способствовал духовности христианских догматов. Логос, означавший у Платона мудрость и разум высшего бытия, стал у нас Словом и второй ипостасью Бога. Глубочайшая метафизика, превышающая человеческое разумение, стала недоступным святилищем, скрывшим в себе религию.

Здесь не стоит повторять, каким образом Мария в дальнейшем была объявлена богородицей, как была установлена единственность Отца и Слова и эманация Пневмы [Духа], божественного орудия божественного Логоса, две сущности и две воли, проистекающие из [единой] ипостаси, и высшее вкушение, или такое питание души, когда вкушается плоть членов и крови богочеловека, почитаемого и вкушаемого в образе хлеба, явного для глаз и осязаемого на вкус, но тем не менее не уничтожаемого. Все эти мистерии были возвышенными.

Начиная со II века принялись за изгнание демонов во имя Иисуса; до того их изгоняли именем Иеговы, или Яхо (Jhaho); святой Матфей сообщает, что, когда враги Иисуса сказали ему, будто он изгоняет демонов именем их князя, он им ответил: "Если я с помощью Вельзевула изгоняю демонов, то с чьей же помощью изгоняют их ваши дети?"

Неизвестно, в какое время иудеи признали главой демонов Вельзевула, бывшего чужеземным богом; но мы знаем (об этом нам сообщает Иосиф), что в Иерусалиме были заклинатели, предназначавшиеся для изгнания бесов из тел одержимых, или, иначе говоря, из людей, страдающих особыми болезнями, которые приписывались тогда на большей части Земли злым духам.

Итак, в действительности демонов изгоняли, возглаголав имя Иеговы, ныне утраченное, и совершая другие, забытые сегодня, обряды.

Закливание именем Иеговы или при помощи других имен Бога было в ходу еще в первые века христианской церкви. Ориген в своем сочинении против Цельса говорит этому последнему на странице 262: "Если, призывая Бога или клянясь его именем, его называют Богом Авраама, Исаака и Иакова, этими именами достигаются известные цели, ибо природа и сила их такова, что демоны подчиняются тем, кто эти имена произносит; но если его называют иным именем – например, именем бога вопящей матери, изгонителя, – то имена эти не имеют никакого значения. Имя "Израиль" в переводе на греческий ничего не дает; но произнесите его по-еврейски вместе с другими надлежащими именами – и вы выполните таким образом заклинание".

Тот же Ориген⁴⁰ (в разделе XIX) произносит следующие примечательные слова: "Существуют имена, обладающие природным значением, например такие, какими

Вольтер Статьи из философского словаря filosofff.org
пользуются мудрые люди среди египтян, персидские маги, а также брахманы Индии. То, что именуют магией, не есть пустое и химерическое искусство, как это утверждают стоики и эпикурейцы; ни имя Саваоф, ни Адонай не созданы для сотворенных вещей: они принадлежат мистической теологии, имеющей связь с Творцом; отсюда – значение этих имен, когда их располагают определенным образом и произносят по правилам, и т.д."

Говоря таким образом, Ориген не выражает своего личного мнения, он лишь передает всеобщую точку зрения. Все религии, бывшие тогда известными, допускали некий вид магии; при этом различалась магия небесная и inferнальная, некромантия и теургия; всюду были чудеса, прорицания, оракулы. Персы не отрицали египетские чудеса, египтяне не отвергали чудеса персов. Бог позволял первым христианам верить в оракулы, приписываемые сивиллам, и спускал им вдовавок некоторые пустячные заблуждения, нисколько не подрывавшие основы религии.

Еще более примечательным является то, что христиане двух первых веков питали отвращение к храмам, алтарям и иконам. Ориген заверяет нас в этом на странице 347 своего сочинения. Все изменилось, однако, с введением церковной дисциплины, когда церковь получила жесткую форму.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ

Коль скоро какая-то религия бывает однажды легально принята в государстве, судебные трибуналы оказываются сплошь заняты заботой о том, чтобы воспрепятствовать возобновлению большинства обычаев, принятых в этой религии до того, как она была признана обществом. Основатели ее собираются тайно вопреки запрету властей; теперь дозволяются лишь открытые сборища под бдительным оком закона, и все сообщества, уклоняющиеся от закона, бывают запрещены. Древняя максима гласила, что следует повиноваться не людям, но Богу; теперь принято противоположное представление, а именно что повиноваться Богу означает следовать законам страны. Ранее только и было слышно об одержимости и бесовском исступлении – дьявол тогда гулял по Земле; ныне он не выходит из своего убежища. Чудеса и пророчества были тогда необходимы; теперь их более не допускают: человек, вздумавший бы пророчить о бедах на городской площади, был бы отправлен в дом для умалишенных. Раньше основатели религии тайно получали от адептов деньги; теперь человек, который бы вздумал собирать деньги на свое дело, если бы он не получил на то визу закона, был бы схвачен и отдан под суд. Таким образом, более не пользуются теми подмостками, кои служили ранее для постройки здания.

ВОПРОС ПЯТЫЙ

После нашей святой религии – несомненно, единственно благой – какую можно считать наименее скверной?

Не самую ли простую? А может быть, ту, что учила бы в большом объеме морали и очень мало – догматам? Ту, что стремилась бы сделать людей справедливыми и не превращала бы их в глупцов? Ту, что не повелевала бы верить в невероятные вещи, противоречивые и оскорбительные для божества, а также опасные для человечества, и не угрожала бы вечными карами любому обладателю здравого смысла? Не явится ли такой религией именно та, что не будет поддерживать веру с помощью палачей и не станет заливать кровью Землю во имя непостижимых софизмов? Та, в которой двусмысленность, игра слов и три-четыре подложные хартии не сделают суверена и бога из святого отца зачастую кровосмесителя, убийцы и отравителя? Та, что не будет подчинять королей такому священнику? Та, что будет учить одному только поклонению Богу, справедливости, терпимости и человечности?

ВОПРОС ШЕСТОЙ

Говорят, будто языческая религия была во многих отношениях нелепой, противоречивой, опасной; но не вменялось ли ей в вину больше зла, чем она сотворила, и большее число глупостей в сравнении с теми, кои она действительно проповедовала?

Ведь наблюдать Юпитера-быка,

Змею и лебедя, и прочье в том же роде

Не кажется прекрасным мне пока,

И не дивлюсь я рассказням в народе.

(Мольер. Пролог к "Амфитриону")

Разумеется, такие представления весьма дерзки; но пусть мне покажут, где во всем античном мире можно увидеть храм, посвященный Леде, лежащий в объятиях лебедя или быка? Существовала ли в Риме или Афинах некая проповедь, поучающая девиц зачинать детей от лебедей их птичьего двора? И разве мифы, собранные и приукрашенные Овидием, -- это религия? Не напоминают ли они скорее нашу "Золотую легенду" или "Венец святых"⁴¹? Если какой-то брамин или дервиш явится к нам, чтобы возразить против нашей истории святой Марии египетской, коя, не имея, чем заплатить морякам, препроводившим ее в Египет, подарила каждому из них то, что у нас именуют благосклонностью, будучи притом переодетой монашенкой, мы, наверно, этому брамину ответим: "Почтенный отец, вы заблуждаетесь, наша религия -- не "Золотая легенда"".

Мы ставим древним в упрек их оракулы, их чудеса; но если бы они возвратились к жизни и мы могли бы подсчитать чудеса Мадонны Ло-реттской и Мадонны Эфесской, чей итог перевесит?

Человеческие жертвы были приняты почти среди всех народов, однако практиковались крайне редко. У иудеев были принесены в жертву только дочь Иеффая и царь Агаг, потому что Исаак и Ионатан не испытали этого жребия. История Ифигении не очень-то достоверна у греков. У древних римлян человеческие жертвы весьма редки; одним словом, языческая религия вызвала очень немного кровопролития, наша же залила кровью всю Землю. Разумеется, наша религия -- единственно благая и истинная, но мы ее именем сделали столько зла, что, когда мы говорим о других религиях, мы обязаны блюсти скромность.

ВОПРОС СЕДЬМОЙ

Если какой-то человек хочет обратить в свою религию иностранцев, или же своих соотечественников, не должен ли он браться за это по возможности осторожно, мягко и с подкупающей сдержанностью? Если он начинает с утверждения, будто возвещаемые им истины не требуют доказательств, он встретится лицом к лицу с толпой неверующих; если он осмеливается им сказать, что они отвергают его доктрину лишь потому, что он осуждает их страсти, что их сердца развратили их умы, что разум их преисполнен гордыней и заблуждениями, он вызовет их возмущение, восстановит их против себя и погубит то, к устройению чего он стремится.

Коль скоро возвещаемая им религия истинна, сделают ли ее более истинной запальчивость и дерзость? Приходите ли вы в состояние гнева, когда утверждаете, что надо быть мягкими, терпимыми, милосердными, справедливыми и выполнять все свои общественные обязанности? Нет, ибо весь свет с вами здесь согласен. Почему же вы оскорбляете вашего брата, проповедуя ему мистическую метафизику? Да потому, что его здравый смысл раздражает ваше самолюбие. Ваша гордыня заставляет вас требовать от вашего брата, чтобы он подчинил свой интеллект вашему; оскорбленная гордость влечет за собой гнев: другого источника гнева не существует. Человек, пораженный в битве двадцатью выстрелами из ружья, не приходит в состояние гнева; но доктор теологии, пораженный неодобрением, приходит в ярость и становится беспощаден.

ВОПРОС ВОСЬМОЙ

Не следует ли тщательно различать государственную религию и религию теологическую? Государственная религия требует, чтобы имамы регистрировали обрезанных, кюре или пастыри -- крещенных; чтобы существовали мечети, церкви, храмы, дни, посвященные культуре или же отдыху, узаконенные обряды; чтобы служители культа пользовались уважением, но не властью; чтобы они наставляли народ в благонравии, а слуги закона блюли бы нравы служителей храмов. Такая государственная религия ни в какие времена не может вызвать смуты.

Но не так обстоит дело с религией теологической: последняя -- источник всех глупостей и всех мыслимых смут; она -- мать фанатизма и гражданских раздоров, враг рода человеческого. Какой-нибудь бонза утверждает, что Фо бог, что это было предсказано факирами; этот Фо якобы родился от белого слона, и любой бонза может

изобразить Фо своими гримасами. Талапоин с своей стороны говорит, что Фо был святым, чье учение извратили бонзы, истинным же богом является Саммокодом. Пустив в ход сотни аргументов и опровержений, обе фракции договариваются обратиться за разрешением спора к далай-ламе, обитающему в трехстах лье от места их жительства: он-де бессмертен и непогрешим. Каждая фракция отправляет к нему торжественное посольство. Далай-лама согласно его божественному обычаю начинает с того, что ставит их в очередь к своему стульчаку.

Обе соперничающие секты сперва принимают этот стул с равным почтением, выставляют его для просушки на солнце и обвивают его мелкими четками, которые они благоговейно целуют; но не успеваает далай-лама и его совет высказаться от имени Фо, как осужденная фракция начинает бросать эти четки в лицо наместника Бога и устремляется к нему, дабы угостить его сотней ударов ремennого кнута. Другая фракция защищает своего ламу, от которого она получила в удел тучные пашни; сражение между фракциями продолжается долго, а когда они устают от взаимного истребления, убийств и отравлений, они начинают осыпать друг друга тяжкими оскорблениями. При этом далай-лама смеется и продолжает распределять свой стульчак между теми, кто стремится получить в дар экскременты благого отца-ламы.

СИСТЕМА

Под системой мы разумеем гипотезу; затем, когда эта гипотеза бывает доказана, она превращается в истину. Тем не менее по привычке мы продолжаем говорить небесная система, хотя теперь уже подразумеваем под этим реальное расположение звезд.

Полагаю, что когда-то я верил, будто Пифагор перенял у халдеев истинную систему неба; однако больше я в это не верю. По мере того как я становлюсь старше, я начинаю сомневаться во всем.

Между тем Ньютон, Грегори, Кейль приписывают Пифагору и этим халдеям честь открытия системы Коперника; на последнем месте здесь стоит г-н Лемоннье, придерживающийся их точки зрения. Я же имею дерзость более ее не придерживаться.

Один из моих аргументов гласит, что, если бы халдеи так много об этом знали, столь дивное и важное открытие никогда не было бы забыто: оно передавалось бы из века в век, подобно прекрасным доказательствам Архимеда.

Другой довод: для такого открытия требовалась значительно более глубокая образованность, чем та, коей обладали халдеи; ведь нужно было опровергнуть наблюдения всех людских глаз и все небесные кажимости; надо было не только иметь возможность для более тонких экспериментов, но и пользоваться более глубоко разработанной математикой и непременно иметь в своем распоряжении телескопы, без которых было бы невозможно открыть фазы Венеры и которые указали бы ее путь вокруг Солнца; без них также было бы невозможно увидеть пятна на Солнце, указывающие на его вращение вокруг своей почти неподвижной оси. Не менее сильным доводом является то, что из всех тех, кто приписывал Пифагору эти прекрасные знания, ни один не сказал положительно, о чем же здесь идет речь.

Диоген Лаэртский, живший около девяти веков спустя после Пифагора, сообщает нам, что, согласно учению этого великого философа, единица является первым принципом, из двойки же рождаются все числа; тела, по Пифагору, состоят из четырех элементов - огня, воды, воздуха и земли; свет и тьма, холод и жар, влажное и сухое существуют в равных количествах. Пифагор утверждает, что не следует есть бобы, что душа разделена на три части и что сам Пифагор был некогда Эталидом, затем Эвфорбом, далее -- Гермотимом, каковой великий человек основательно изучал магию. Диоген наш не говорит ни слова об истинной системе мира, приписываемой Пифагору, и надо признать, что весьма далеко от его пресловутой неприязни к бобам до наблюдений и расчетов, доказывающих ныне пути планет и Земли.

Знаменитый арианин Евсевий, епископ Цезареи, в своих "Евангелических предуготовлениях" изъясняется так*: "Все философы утверждают, будто Земля покоится; но перипатетик Филолай считает, что она вращается вокруг огня по наклонной орбите точно так же, как Солнце и Луна".

* Страница 850, издание in-folio 1624 года. - Примеч. Вольтера.

Подобная галиматья не имеет ничего общего с возвышенными истинами, поведанными нам Коперником, Галилеем, Кеплером и особенно Ньютоном.

Что до пресловутого Аристарха Самосского⁴², о котором говорят, будто он развил открытия халдеев в области путей планеты Земля и других планет, то писания его столь темны, что Уоллис был вынужден комментировать каждую их строку, дабы сделать их постижимыми.

Наконец, весьма сомнительно, будто книга, приписываемая Аристарху, действительно принадлежит ему. Враги новой философии были сильно заподозрены в том, что они сфабриковали этот подложный опус во имя защиты своего неправого дела. Мы имели благочестивых фальсификаторов не только в области древних грамот. Этот Аристарх Самосский тем более подозрителен, что Плутарх обвиняет его в ханжестве, в злобном лицемерии, в том, что он был исполнен противоречивых мнений. Вот слова Плутарха в его вздоре, озаглавленном "О лице на диске Луны": Аристарх Самосец говорил, что греки должны "покарать Клеанта Самосского, предположившего, будто небо неподвижно и будто именно Земля движется по кругу Зодиака и вокруг своей же оси".

Но, скажут мне, именно это и доказывает, что система Коперника уже мелькала в голове Клеанта и многих других. Что за важность, придерживался ли Аристарх Самосец мнения самосца Клеанта или был только доносчиком, подобно тому как иезуит Скейнер стал позднее доносчиком на Галилея? Все равно из этого ясно следует, что истинная система нашего времени была известна древним.

Я возражаю: нет, просто весьма слабое частичное подобие этой системы смутно подозревалось отдельными умами, более высоко организованными, чем прочие. Я говорю, что система эта никогда не была принята и никогда не преподавалась ранее в школах; она никогда не составляла основы доктрины. Внимательно почитайте это плутарховское "Лицо Луны" – и вы там увидите, если угодно, учение о тяготении. Но истинным автором системы является тот, кто ее доказал.

Не будем завидовать славе Коперника, открывшего эту систему. Три-четыре слова, выкопанные из текста старого автора и могущие иметь некую отдаленную связь с его системой, не должны лишить его чести ее изобретения.

Отдадим дань восхищения великому правилу Кеплера, согласно которому квадраты периодов обращений планет вокруг Солнца пропорциональны кубам их расстояний от него.

Еще большую дань восхищения мы принесем глубине и точности открытий великого Ньютона -- единственного, кто обнаружил фундаментальные основы этих законов, неведомых всей античности, и кто показал людям новое небо.

Всегда находятся жалкие компиляторы, осмеливающиеся выступить в роли врагов своего времени; они громоздят один на другой пассажи Плутарха и Афиня, дабы попытаться доказать нам, что мы якобы ничем не обязаны Ньютону, Галлею и Брадлею⁴³. Они создают себе из древних рупоры славы. Они утверждают, будто эти древние уже все сказали, и имеют глупость считать, будто разделяют их славу лишь потому, что предали их писания гласности. Они выворачивают наизнанку фразу Гиппократова, дабы уверить нас, будто грекам известна была циркуляция крови лучше, нежели Гарвею. Чего только они не придумывают! У греков, мол, были и лучшие ружья, чем у нас, более мощные пушки, выпускавшие снаряды на большее расстояние; они лучше нас печатали книги, выпускали более красивые гравюры и т.д. и т.п.; они также превосходили нас в живописи маслом, имели хрустальные зеркала, телескопы, микроскопы, термометры! И разве не нашлись люди, уверявшие, будто Соломон, не владевший ни одним морским портом, послал флотилию в Америку? И т.д. и т.п.

Одним из величайших хулителей новых веков был некий Дютан. Кончилось тем, что он сочинил книжицу, столь же подлую, сколь и безвкусную, против философов наших дней. Книжица эта озаглавлена "набат"; однако он мог сколько угодно бить в свой набат – никто не явился к нему на помощь; он всего лишь умножил собой число зоилов, которые, будучи бесплодными, изливают свой яд на людей, прославивших свою родину и послуживших человечеству своими творениями.

ТЕОЛОГИЯ

Теология – это исследование, а не наука о Боге и божественных предметах; теологи есть среди всех священнослужителей древности -- то философы, которые, предоставляя взорам и умам толпы весь внешний, обрядовый облик религии, сами мыслили о божестве и происхождении культовых празднеств в гораздо более возвышенном духе; секреты свои они хранили про себя и для посвященных. На тайных празднествах Элевсинских мистерий представлялся хаос и образование мира, причем жрец пел такой гимн: "Откиньте предрассудки, кои могут вас отвратить от дороги бессмертной жизни, куда вы стремитесь; возвысьте ваши мысли до природы божественного; вообразите себе, что вы шествуете пред повелителем вселенной, единственным Существом, существующим само по себе". Таким образом, на празднестве аутопсии* признавался лишь один Бог.

* Т.е. непосредственного узрения (греч.; речь идет о мистериях приобщения к божеству). –Примеч. переводчика.

В египетских культах все было исполнено мистицизма; народ же, удовлетворяясь внешней импозантной вуалью, считал себя недостойным проникать за ее пределы, скрывавшие то, что внушало ему тем более высокую почитательность.

Обычай мистерий, естественно введенный по всей Земле, не давал интеллектуальной пищи для диспутов. Языческие теологи совсем не стремились к публичному утверждению своих мнений, ибо достоинством их мнений была как раз их таинственность; и все религии были мирными.

Если бы христианские теологи поступали таким же образом, они приобрели бы себе большее уважение. Народ не создан для познания того, является ли рожденное слово единосущным со своим родителем, существуют ли одна ипостась и две сути, единая суть и две ипостаси или же, наконец, одна ипостась и единая суть; он не создан для понимания того, сошло ли это слово в *ad per effectum** и в преддверие рая *per essentiam*** , вкушают ли его тело только вместе с акциденциями хлеба или с его субстанцией; бывает ли благодать переменной, достаточной, сопровождающей и принудительной в сложном смысле или раздельном. Девять десятых человечества, зарабатывающие себе на жизнь трудами рук своих, плохо разбираются в этих вопросах; теологи, не лучше в них разбирающиеся (ибо они терзают эти вопросы вот уже столько лет без всякой согласованности между собой и будут спорить и впредь), несомненно, поступили бы правильнее, если бы отделили себя от профанов вуалью.

* в результате" (лат.). – Примеч. переводчика.

**"по сути" (лат.). – Примеч. переводчика.

Поменьше теологии и побольше морали сделало бы их высокочтимыми среди народов и у царей; однако, устраивая свои публичные диспуты, они сотворили себя хозяевами тех самых народов, которыми хотели руководить. Ведь что произошло? Произошло то, что злополучные эти споры посеяли рознь между христианами, в которую по необходимости вмешались вдобавок корысть и политика. Каждое государство (даже в эпохи невежества) имеет свои частные интересы, а потому ни одна церковь не мыслит едино с другой, многие же из них диаметрально друг другу противоположны. Какой-нибудь доктор теологии из Стокгольма не может мыслить так, как другой доктор из Женевы; англиканин в Оксфорде должен отличаться от того и другого; тому, кто получает свой докторский колпак в Париже, не дозволено поддерживать неотъемлемые мнения римского доктора. Между религиозными орденами, соперничающими друг с другом, произошел раскол. Монах-францисканец обязан верить в беспорочное зачатие; доминиканец должен его отвергать, и в глазах францисканца он – еретик. Кончилось тем, что дух геометрии, распространившийся столь явно в Европе, сильно обесценил всю теологию.

Истинные философы не могли себе отказать в том, чтобы выразить самое глубокое презрение к химерическим диспутам, в которых никогда не определялись посылки и которые построены на словах столь же непостижимых, как и их суть. Среди самих докторов теологии встречается много настоящих ученых, сожалеющих о своей профессии; они напоминают авгуров, о которых Цицерон говорит, что они не могут встречаться между собой без смеха.

ТЕОЛОГ

Вольтер Статьи из философского словаря filosoffo.org

I. Теолог в совершенстве знает, что, согласно святому Фоме, ангелы в отношении к Богу телесны, что душа обретает свою сущность в теле и человек обладает душой растительной, чувственной и рассудочной. Он знает также,

что душа представляет собой все во всем и все в каждой части;

что она – действующая и формальная причина тела;

что она – предельное благородство форм;

что вожделение – пассивная потенция;

что архангелы занимают промежуточное положение между ангелами и высочайшими существами;

что крещение возрождает само по себе и акцидентально;

что катехизис – не таинство, но он сакраментален;

что достоверность происходит от предмета и субъекта;

что похоть -- вожделение к чувственному наслаждению;

что совесть -- это акт, но не потенция;

Доктор ангельский написал около четырех тысяч прекрасных страниц в том же духе. Молодой человек, носящий тонзуру, тратит три года на вбивание себе в голову этих возвышенных знаний, после чего получает колпак доктора теологии... в Сорбонне, не в доме для умалишенных!

Если он человек с положением или сын богатых родителей или если он интриган и при этом удачлив, он становится епископом, архиепископом, кардиналом, папой.

Если он беден и не пользуется доверием, он становится теологом, слугой одного из таких людей: он выдвигает за них аргументы, перечитывает для них святого Фому и Скота, составляет для них указы, принимает за них решения в совете.

Титул теолога столь высок, что святые отцы Тридентского собора давали его своим поварам – *cuoco coeleste, gran teologo**.

* "Небесный повар", "великий теолог" (ит.). – Примеч. переводчика.

Наука теологов – главная из наук, их звание – главное из званий, и сами они – первые среди людей -- такова власть истинного учения! Таково царство разума среди людей!

В то время как кто-либо из теологов оказывается благодаря своим аргументам князем Священной империи, архиепископом Толедским, либо одним из семидесяти облаченных в пурпур кардиналов – преемников смиренных апостолов, преемники Галена и Гиппократы живут на свои заработки. Они могли бы сравняться с теми, если бы учились в том же университете, имели бы те же степени и получили бы в удел тот же подбитый мехом колпак. Судьба играет людьми, и те, кто открыл циркуляцию крови, молочные железы, грудной проток, являются слугами тех, кто познал, что такое сопутствующая благодать, а после начисто это забыли.

II. Я знал одного истинного теолога; он владел восточными языками и был, сколько можно, образован по части древних национальных обрядов. Брахманы, халдеи, огнепоклонники, сабеи, сирийцы, египтяне были ему знакомы так же, как иудеи; ему были близки различные наставления Библии, и в течение тридцати лет он пытался примирить между собой Евангелия и воцарить согласие между отцами церкви. Он исследовал, в какое именно время был установлен символ, приписываемый апостолам, а также тот, что известен под именем символа Афанасия; каким образом таинства были учреждены одно за другим; в чем заключается разница между синагогой и мессой; каким образом христианская церковь после своего рождения разбилась на несколько сект и как господствующая корпорация третировала все прочие, еретические. Он погружался в глубины политики, постоянно вмешивавшейся во все эти споры; и он сделал различие между политикой и мудростью, между гордыней, стремящейся поработить умы, и жаждой просветиться самому, между ревностью и

фанатизмом.

Трудность упорядочить в своем мозгу столькие вещи, по своей природе обреченные на смешение, и пролить немного света на всю эту тьму часто его отталкивала; но так как исследования эти были долгом, связанным с его саном, он посвящал себя им вопреки отвращению. В конце концов он достиг познаний, неведомых большинству из его собратьев. Но, чем больше он знал, тем больше отрекивался от этих своих познаний. Пока он жил, он был терпелив, но на пороге смерти признался, что даром потратил всю свою жизнь.

1 Моисей -- библейский персонаж, изображаемый пророком бога Яхве, основателем религии и законодательства древнееврейского народа.

2 Клодий - Публий, Клодий Пульхр (92-52 до н.э.) древнеримский политический деятель.

3 Имеется в виду Никомед III (91-74 до н.э.), царь Вифинии, который был союзником римлян.

4 Веррес, Гай - правитель (пропретор) Сицилии в 73-71 гг. до н.э., который по иску сицилийцев был благодаря усилиям Цицерона приговорен судом в Риме к выплате огромного штрафа за свои злоупотребления.

5 "О трех обманщиках" -- анонимный атеистический трактат на латинском языке, изданный в Германии в 1753 г. и проводящий взгляд на Моисея, Иисуса и Мухаммеда как на великих обманщиков (в роли основателей иудаизма, христианства и ислама).

6 Анаксагор из Клазомен (ок. 500-428 до н.э.) древнегреческий философ.

7 Дасье, Анна (1654-1720) -- французская специалистка в области древних языков, принимала участие в издании греческих классиков во Франции.

8 Алкивиад (451--404 до н.э.) -- афинский политический деятель и полководец.

9 Л'Опиталь, Мишель (1507-1573) - французский государственный деятель, занимавший в период религиозных войн пост канцлера и пытавшийся примирить католиков с гугенотами.

10 Ванини, Джулио Чезаре (1584-1619), аббат свободомыслящий итальянец, резко критиковавший католическую церковь и ряд важнейших религиозных представлений. Обвиненный в атеизме, был сожжен на костре по приговору Тулузского суда ("парламента") под председательством Граммона.

11 Аверроэс - латинизированное имя средневекового арабского философа и ученого Мохаммеда Ибн-Рушда (1126-1198), развивавшего натуралистическую версию аристотелизма, которая под именем аверроизма оказала значительное влияние на западноевропейскую мысль.

12 Мерсенн, Марен (1588-1648) - французский теолог-францисканец и естествоиспытатель.

13 Николь, Пьер (1625--1695) - французский теолог-янсенист, моралист и логик.

14 Епископ Гиппонский - это Аврелий Августин.

15 Уорбуртон, Уильям (1698-1779), епископ Глостерский английский теолог.

16 Окелл Лукан (V в. до н.э.) - древнегреческий философ-пифагореец, учивший о вечности мира (в работе "О природе всего").

17 Гераклит из Эфеса (ок. 544--ок. 483 до н.э.) древнегреческий философ, усмотревший в огне субстанциальное начало мироздания.

18 Левкипп (ок. 500-440 до н.э.) - древнегреческий философ-материалист, родоначальник атомистики.

19 Зенон из Элей (490-430 до н.э.) - древнегреческий философ, один из крупнейших представителей Элейской школы.

- 20 Анаксимандр из Милета (ок. 610–546 до н.э.) древнегреческий философ-материалист.
- 21 Евклид (ок. 323–283 до н.э.) – великий древнегреческий математик, систематизатор античной геометрии, автор "Начал".
- 22 Боссюэ, Жак-Бенинь (1627–1704), епископ Мо – французский католический теолог.
- 23 Клод, ивон (1714–1791) – французский католический теолог.
- 24 ле Телье, Мишель (1643–1719) – глава ("провинциал") иезуитов Франции, теолог, духовник Людовика XIV, инициатор преследования гугенотов и янсенистов.
- 25 Григорий VII (Гильдебранд) -- папа римский (1073--1085), вел ожесточенную борьбу за верховенство папы над государями Европы.
- 2fi Булла In Coena Domini (1362) папы римского Урбана V (1362–1370) предавала анафеме еретиков и всех не католиков.
- 27 Логомах -- вымышленный (как и Дондиндах) персонаж, имя которого на греческом языке означает "борец против разума", "разумоборец".
- 28 Святая Германдада – наименование испанской инквизиции.
- 29 Ламот левайе, Франсуа (1588–1672) – французский философ, известный вольнодумец.
- 30 Григорий XIII – римский папа (1572–1585), провел в 1573 г. реформу юлианского календаря.
- 31 Лилио, Алоиз (ум. 1576) – итальянский ученый и философ, подготовивший реформу юлианского календаря.
- 32 Коже, Франсуа-Мари (1723–1780), аббат – ректор Парижского университета, выступал против просветителей.
- 33 Лаланд, Жозеф (1732–1807) – французский астроном, математик, философ-материалист.
- 34 Речь идет об изданной под руководством Дидро просветительской "Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел".
- 35 д'Аламбер, Жак Лерон (1717–1783) – французский математик, философ-просветитель, соредатор "Энциклопедии" в первые восемь лет ее издания.
- 36 Дюмарсе, Сезар-Шено (1676–1756) – французский философ-материалист, атеист. "Имеется в виду Аристотель, который в юношеские годы Александра Македонского был его наставником.
- 38 Сен-Пьер, Шарль (1658–1743), аббат – французский писатель, прогрессивный политический мыслитель, автор "проекта вечного мира" (1713).
- 39 Здесь Вольтер рисует образ Иисуса, внося деистические коррективы в поучения, приписываемые основателю христианства.
- 40 Ориген (ок. 185–353/254) – раннехристианский теолог и философ, отдельные воззрения которого были объявлены церковью еретическими.
- 41 "Венец святых" -- произведение испанского иезуита Педро Рибаданейра (1527--1611), со держащее фантастические повествования о жизни и подвигах католических "святых".
- 42 Аристарх Самосский (ок. 320–ок. 250 до н.э.) древнегреческий астроном.

43 Брэдлей, Джеймс (1692–1763) –английский астроном.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!